

0-800440

На правах рукописи

БЕЛЯЕВА Мария Алексеевна

**РЕПРОДУКТИВНАЯ КУЛЬТУРА:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И МЕХАНИЗМЫ ТРАНСЛЯЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Специальность 24.00.01 Теория и история культуры

Киров – 2013

Работа выполнена на кафедре культурологии
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Официальные оппоненты:

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор,
ФГБНИУ «Российский институт культурологии»,
заведующая сектором культурологических проблем социализации

Кардапольцева Валентина Николаевна, доктор культурологии, доцент,
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный горный университет»,
заведующая кафедрой художественного проектирования и теории творчества

Фадеева Ирина Евгеньевна, доктор культурологии, профессор,
ФГБОУ ВПО «Коми государственный педагогический институт»,
заведующая кафедрой культурологии и педагогической антропологии

Ведущая организация: АНО ВПО «Московский гуманитарный университет»

Защита состоится 27 июня 2013 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.041.02 при ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. Киров, ул. К. Либкнехта, д. 89.

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК Минобрнауки Российской Федерации по адресу: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «28» марта 2013 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000674157

Ученый секретарь
диссертационного совета

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Н. И. Поспелова'.

Н. И. Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Культура охватывает все сферы жизнедеятельности человека и относится к самым обсуждаемым в научной литературе феноменам, но репродуктивная культура как фрагмент общечеловеческой культуры остается на периферии научного знания и пока еще не привлекает к себе должного внимания. Однако общий вектор перемен в философии и культуре нашего столетия характеризуется антропологическим ренессансом, проявившемся в обостренном интересе к проблеме человека, к разным сферам его бытования, включая прокреационную сферу.

В настоящее время депопуляция, характерная для большинства европейских стран, наблюдается и в России. На решение обозначенной проблемы направлена, например, президентская программа «Сбережение народа» и ряд других целевых программ. Но принесут ли затраченные средства ожидаемые результаты? Учитывают ли эти макропрограммы объективные тенденции в развитии социокультурных механизмов, регулирующих репродуктивное поведение? И могут ли меры медицинского и экономического порядка влиять на личностные смыслы продолжения рода, укреплять ценности материнства, отцовства, детства?

Прокреационная сфера является одной из площадок культурной репрезентации, так как эталонные нормы детности и другие аспекты репродукции человека регулируются определенными ценностями и культурными традициями. Целый комплекс локальных и глобальных проблем современности, существующих вокруг способности иметь или не иметь детей, заставляет осмыслить феномен человеческой репродукции с позиций социально-гуманитарных наук, и прежде всего культурологии.

Потребность в осмыслении эффективности предпринимаемых шагов для преодоления демографической неустойчивости нашего общества создает широкое проблемное поле для культурологической науки, способной предоставить практике более глубокие знания о репродуктивной культуре человека, ее прошлом и настоящем, а главное – будущем развитии; осмыслить и отразить противоречия в ее функционировании, не обеспечивающем государственной и личной безопасности. Поскольку норма невмешательства и восприятие сферы репродукции как неподвластной воли человека утратили свое влияние, необходимо определить границы рационального, технологического, политического вторжения в эту область повседневной жизни, обуздать неумное желание современного *Homo sapiens* властвовать над природой, в том числе природой собственной телесности.

Закономерное усложнение социокультурных регулятивов прокреационной сферы делает более продолжительным процесс их усвоения, между тем функциональные рамки способности продолжения рода, как одной из характеристик человеческой телесности, существенно не изменились, это создает противоречие между относительной краткосрочностью репродуктивного возраста в онтогенезе человека и тем временем, которое требуется

для усвоения духовных ориентиров, необходимых для адекватного репродуктивного самоопределения личности. Поэтому целенаправленную трансляцию, и как результат – формирование репродуктивной культуры у подрастающего поколения, следует рассматривать в качестве одной из приоритетных задач государственного масштаба, которая приобретает все большую актуальность и востребованность для сохранения российского этноса. В связи с этим возникает необходимость изучения репродуктивной культуры как фрагмента общечеловеческой культуры и подсистемы культуры повседневности. В культурологическом ракурсе она исследуется фрагментарно и в целом остается непознанной – «terra incognita».

Понятие «репродуктивная культура» существует в имплицитном состоянии, не имея четкого определения в научной литературе. С точки зрения диссертанта, это понятие обозначает сложное, многогранное и неоднозначно трактуемое явление повседневной жизни человека, которое, с одной стороны, содержит общечеловеческие универсалии в своей основе, а с другой, наполняется специфическими смыслами в зависимости от исторического, национального, конфессионального и других контекстов.

Отсутствие системных представлений о репродуктивной культуре не позволяет использовать ее в качестве ресурса для позитивных личностных и общественных преобразований. Неопределенность ценностных ориентаций, ограниченность знаний и дефицит специалистов, в том числе культурологического профиля, способных транслировать репродуктивную культуру, оказывают негативное влияние на судьбы людей и на социокультурные процессы в целом.

Обозначенные выше актуальные проблемы современного состояния российской действительности и культурологического знания доказывают существование научной проблемы, имеющей важное теоретическое и прикладное значение. Что такое репродуктивная культура? Каковы содержание и функциональное назначение данной культуры? Как складывалось ее историческое развитие, какие процессы характеризуют ее современное состояние в России и какие «проекции прошлого» ждут нас в будущем? Эти вопросы и составили проблемное поле данного диссертационного исследования, их разработка расширит границы научного знания культуры повседневности, обнаружит новые пути ценностно-нормативных преобразований российской ментальности и тем самым внесет свою лепту в решение жизненно важных проблем нашего общества.

Степень научной разработанности проблемы.

В науке сложились определенные основания для разработки теоретико-методологических и прикладных аспектов изучения репродуктивной культуры.

В создании теоретической модели репродуктивной культуры мы опирались на труды зарубежных (Л. Билли, К. Гирш, Дж. Мердок, Л. Уайт) и отечественных ученых, посвященные осмыслению культурологии как науки (Г. А. Аванесова, И. М. Быховская, С. Н. Диконникова, М. С. Каган, Э. С. Мар-

карян, Э. А. Орлова, К. Э. Разлогов, Ю. М. Резник, Е. Н. Шапинская), методологии и теории культурологических исследований (О. Н. Астафьева, Н. Г. Багдасарьян, В. П. Большаков, П. С. Гуревич, А. С. Кармин, Т. Ф. Кузнецова, В. Л. Кургузов, А. Я. Флиер, Т. А. Чебанюк, П. Ю. Черновитов). В этом ряду нам наиболее близки труды авторов, признающих деятельностную природу культуры – М. С. Каган, Э. С. Маркарян, А. Я. Флиер.

Работы, отражающие процессы культурной динамики (П. Сорокин, А. Тойнби, О. Шпенглер, К. Ясперс), последствия глобализации в обществе постмодерна (З. Бауман, У. Бек, Ж. Бодрийяр, П. Бьюкенен, А. Моль, Э. Тоффлер) и отечественные исследования этих процессов в контексте российской цивилизации (А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко, В. И. Якунин) позволяют экстраполировать содержащиеся в них научные выводы на развитие репродуктивной культуры. Прямое отношение к исследуемой проблематике имеют работы по культуре повседневности (Л. В. Беловинский, В. Д. Лелеко, Н. П. Коновалова, А. А. Магамедова, Б. В. Марков, Е. Н. Шапинская).

Для оценки этико-культурологических проблем, связанных с экологией человека и применением современных вспомогательных репродуктивных технологий, оказались полезными работы таких авторов как: Э. Агацци, Т. А. Горелова, Б. П. Денисов, О. Г. Исупова, Ю. С. Массино, А. А. Попов, С. Оден, П. Д. Тищенко, Б. Г. Юдин.

Особый интерес представляли исследования, посвященные проблеме телесности человека. Анализ психологической и социокультурной детерминации человеческой телесности отражен в работах классиков (М. Мосса, Д. Пайнз, З. Фрейда, М. Фуко) и современных ученых (И. М. Быховской, В. Л. Круткина, И. С. Кона, Д. В. Михеля).

В процессе сравнения и разграничения содержания репродуктивной культуры и сексуальной культуры большое значение имели труды С. Т. Агаркова, Е. А. Кашенко, И. С. Кона, В. М. Розина. Особый интерес представляли работы, посвященные культуре репродуктивного здоровья (Ю. В. Бояркина), перинатальной (А. А. Ермаков) и родительской культуре (А. А. Крячко), культуре демографического поведения (Э. Г. Соколова, Б. С. Павлов) и непосредственно репродуктивной культуре (Т. А. Лапцевич), но такие работы единичны. Эта ситуация объясняет необходимость обращения к исследованиям в области социологии семьи и демографическим исследованиям, начиная от известного сочинения Т. Мальтуса – «Опыт закона народонаселения» (1798 г.), и заканчивая современными трудами А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, И. И. Белобородова, В. А. Борисова, А. Г. Вишневого, А. И. Кузьмина, В. М. Медкова, А. Б. Синельникова и других отечественных авторов, которые социологическими средствами отразили повседневные практики репродуктивного поведения россиян.

Необходимые эмпирические основания собственной концепции мы также черпали из истории, этнографии, этнологии, культурной антропологии, которые реконструируя прошлое репродуктивного поведения человека с учетом культурно-исторических особенностей разных эпох, предоставляют об-

ширный материал, дающий возможность осознать происходящие культурные трансформации в сфере продолжения рода в пространственно-временном измерении. Среди иностранных авторов – это исследования А. В. Геннепа, Р. Зидера, Б. Малиновского, М. Мид, Э. Кроули, Э. Тайлора, Э. Фукса, Э. Эриксона, а также работы отечественных авторов, отражающих ценностные трансформации отношения к миру материнства, отцовства, детства (Ю. М. Антонян, А. Г. Кислов, И. С. Кон, В. В. Муравьев, С. Г. Фатыхов); историю брачно-семейных и детско-родительских отношений (О. С. Осипова, Л. П. Репина, Ю. И. Семенов); историю контрацепции и абортивных практик (Е. Светлова, Е. Г. Щекина); историю повивального дела (Т. А. Листова, С. Б. Семенова, Б. Фрост) и родильной обрядности (Н. В. Боровикова, Г. М. Науменко, Б. А. Рыбаков, Е. Н. Сурта).

Не были оставлены без внимания гендерные исследования (Е. А. Баллаева, Г. А. Брандт, О. А. Воронина, В. Н. Кардапольцева), в том числе рассматривающие репродуктивное поведение и механизмы его культурной регуляции под углом гендерных различий и стереотипов (К. Н. Белогай, Т. А. Гурко, Е. А. Здравомыслова, В. И. Сакевич, А. А. Темкина). Данные авторы фокусируются на проблемах репродуктивного выбора, репродуктивной свободы, асимметричного родительства, различных проявлениях половой дискриминации, проистекающих из культурных традиций.

Разрабатывая прикладные аспекты нашего исследования, мы обратились к проблемам преемственности культуры и образования, достижения культурной идентичности человека, которые в отечественной философско-культурологической литературе исследовали Г. С. Батищев, В. С. Библиер, Б. С. Гершунский, А. С. Запесоцкий, И. В. Малыгина, В. А. Ремизов, В. В. Розанов. Проблема трансляции культуры и культурной преемственности в современном обществе также тесно связана с проблемами массовой культуры и культурной политики (О. Н. Астафьева, А. В. Костина, И. Я. Мурзина, И. Г. Хангельдиева). Отдельные авторы (А. П. Багирова, С. М. Илышев) говорят о необходимости становления интегративной научной дисциплины – «репродуктивистике» и развитии «репродуктивного образования», однако содержание этого научного и образовательного направления мало разработано.

Таким образом, основаниями познания и понимания репродуктивной культуры являются многие отрасли науки, что закономерно в XXI веке – эпохе интеграции и дифференциации научного знания. Однако, накопленный эмпирический материал и теоретическое знание, развивающееся в рамках философского, социально-гуманитарного и естественнонаучного курсов, отражают отдельные стороны этого феномена, не представляя его целостного видения, что и определило характер нашего исследования.

Объект исследования: репродуктивная культура человека как целостная социокультурная реальность.

Предмет исследования: тенденции развития репродуктивной культуры и механизмы ее трансляции в современных российских условиях.

Цель данной работы состоит в концептуализации репродуктивной культуры как целостной социокультурной реальности, определении тенденций ее развития и механизмов трансляции в современном российском обществе.

Задачи исследования:

1. Обосновать необходимость культурологического исследования репродуктивного поведения человека.

2. Проанализировать понятийный аппарат и представить содержательное наполнение научных дефиниций, позволяющих отразить сущность репродуктивной культуры.

3. Раскрыть структуру, содержание и функциональное назначение репродуктивной культуры, представив ее универсальную модель и обозначив место данной культуры в ряду других культур, определяющих бытие человека в его повседневности.

4. Определить социокультурные факторы, обуславливающие трансформацию репродуктивной культуры, и охарактеризовать ее исторические типы.

5. Охарактеризовать постмодернистские тенденции развития репродуктивной культуры.

6. Выявить российскую специфику репродуктивной культуры, определив критерии ее оценки на макро- и микроуровнях.

7. Классифицировать механизмы трансляции репродуктивной культуры и определить роль каждого из них в современных российских условиях.

8. Разработать модель прокреационного образования как механизма трансляции репродуктивной культуры в современной России.

Гипотеза исследования.

Репродуктивное поведение человека, детерминированное природными и социокультурными факторами, регулируется особой областью культуры, не сводимой к сексуальной культуре, культуре здоровья, родительской культуре и прочим составляющим культуры повседневности.

Культурологический анализ позволит получить целостное представление о репродуктивной культуре, не достижимое в рамках методологии иных отраслей научного знания.

Модель репродуктивной культуры должна отражать ее амбивалентную сущность, обусловленную двойственной природой репродуктивного поведения человека, нацеленного не только на рождение детей, но и сдерживание способности продолжения рода.

Наблюдаемые неблагоприятные демографические процессы, несущие угрозу существованию европейской цивилизации и России в частности, тесно связаны с исторической динамикой и современными тенденциями развития репродуктивной культуры.

Рассматриваемая культура в современном российском обществе имеет свою специфику, проявляющуюся как в ее содержании, так и механизмах трансляции. Учитывая возрастающую информационную емкость репродуктивной культуры, поиск эффективных механизмов ее трансляции, скорее всего, связан с системами профессионального и дополнительного образова-

ния, которые могут обеспечить культурную преемственность традиционных, обладающих национально-этнической самобытностью, и инновационных компонентов репродуктивной культуры, собирая ее мозаичное содержание в культурную целостность.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Анализ репродуктивной культуры, тенденций ее развития и механизмов трансляции осуществлялся с использованием *культурно-антропологического подхода* (Б. Малиновский, М. Мид), который позволил придать исследованию междисциплинарный характер, интегрируя сложившиеся в отечественной науке философский, социально-гуманитарный, естественнонаучный дискурсы изучения репродукции человека. Автор использует *деятельностный подход* (М. С. Каган, Э. С. Маркарян), который предопределил, что в центре внимания данного исследования находятся не столько материальные и духовные достижения культуры, сколько сам человек как субъект деятельности. *Системный подход* (Л. Берталанфи) к исследованию репродуктивной культуры позволил показать взаимосвязь трех плоскостей ее анализа: структурной, функциональной и исторической. Учитывая объективные различия мужского и женского вклада в процессы репродукции, в работе применялся *гендерный подход*. Осмысление повседневных практик репродуктивного поведения в российском обществе осуществлялось с позиций *феноменологии* (Э. Гуссерль). Анализ репродуктивной культуры как характеристики личности и задача проектирования инновационного механизма трансляции данной культуры потребовали обращения к *личностно-ориентированному подходу* (К. Роджерс).

Работа базируется как на классических теориях социокультурной динамики, принципах структурализма и функционализма (Б. Малиновский, Дж. Мердок), неозволюционизма (Л. Уайт), так и постмодернистских теориях и концепциях: теория практик (П. Бурдьё), концепция глобализации (З. Бауман), концепция демографического перехода (А. И. Антонов, С. П. Капица), концепции модернизации и культурологизации (А. Я. Флиер) российского образования. В качестве теоретических методов, адекватных задачам данного исследования также использовались: структурно-функциональный, сравнительно-исторический, аксиологический, понятийно-категориальный, квалиметрический анализ, методы классификации и типологизации, моделирования и проектирования, а также эмпирические методы – наблюдения, анкетного опроса, анализа текстов.

Научная новизна исследования.

1. С позиции теории и истории культуры разработаны теоретико-методологические основы научной рефлексии репродуктивной культуры как целостной социокультурной реальности, ее исторической динамики, современного состояния (в российских условиях), трансляции (на уровне общества) и формирования (на уровне личности).

2. Уточнен и дополнен понятийный аппарат, отражающий сущность, содержание, структуру, а также процессы развития и трансляции рассматри-

ваемой культуры: «репродуктивная культура», «повседневные репродуктивные практики», «репродуктивное самоопределение личности», «репродуктивный конформизм», «биосоциальные риски репродуктивного поведения», «девиантное репродуктивное поведение», «деинтимизация репродуктивных практик», «абортная культура», «прокреационные потребности», «прокреационная интенциональность сознания», «прокреационная интересубъективность», «прокреационное образование».

3. Разработана структурно-функциональная модель репродуктивной культуры, определено ее содержательное наполнение и функциональное назначение, установлены связи с другими подсистемами культуры повседневности.

4. Определена роль социокультурных факторов, трансформирующих репродуктивную культуру, предложена классификация ее исторических типов: архаичная, аграрная, индустриальная, постиндустриальная (современная) репродуктивная культура человека.

5. Выявлены тенденции развития репродуктивной культуры (рационализации, десакрализации, профессионализации, деинтимизации, сглаживание гендерной асимметрии, возрастание индивидуальной субъектности, коммерциализации повседневных репродуктивных практик, универсализации и целенаправленной трансляции рассматриваемой культуры).

6. Даны характеристики повседневных культурных практик репродуктивного поведения в современном российском обществе, актуализирующие биосоциальные риски, сопутствующие репродукции человека.

7. Предложен комплекс критериев квалиметрического анализа современного состояния рассматриваемой культуры на микро- и макроуровнях и определена российская специфика репродуктивной культуры, сформировавшейся в условиях советского и постсоветского общества.

8. Разработана авторская концепция и спроектирована модель прокреационного образования как инновационного механизма трансляции репродуктивной культуры, раскрыта взаимосвязь прокреационного образования с половым, сексуальным, патриотическим и гражданским воспитанием молодежи. Выявлена специфика трансляции рассматриваемой культуры в российских условиях профессионального и дополнительного образования.

Теоретическая значимость исследования.

Разработка концепта «репродуктивная культура» служит основанием мало разработанного структурного сегмента культурологического знания, посвященного изучению культурной обусловленности процессов репродукции человека.

Уточнен и дополнен понятийно-категориальный аппарат, необходимый для конструирования репродуктивной культуры как целостной социокультурной реальности.

Предложенная структурно-функциональная модель репродуктивной культуры выступает концептуальным базисом для определения типологии, функционального назначения и исторической динамики данной культуры, проектирования наиболее приемлемых вариантов ее дальнейшего развития в

целях преодоления существующих противоречий, характерных для европейской цивилизации и современной России.

Разработано теоретическое обоснование прокреационного образования как целенаправленного механизма трансляции репродуктивной культуры в отечественной системе профессионального образования.

Основные концептуальные идеи обогащают теоретическую базу исследования культуры повседневности, открывают перспективы дальнейшего культурологического анализа как современной репродуктивной культуры, так и других ее исторических типов. Результаты и выводы диссертации могут выступать методологической основой научной разработки прокреационной сферы жизнедеятельности личности и общества.

Практическое значение исследования заключается в возможности использования его результатов в культурно-просветительской, научно-методической, преподавательской деятельности. Идеи и выводы диссертации применимы: 1) в процессе дальнейшей модернизации отечественной системы образования, учитывающей необходимость целенаправленной трансляции репродуктивной культуры; 2) для регуляции социокультурных процессов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в целях преодоления депопуляционных тенденций в России; 3) для повышения качества работы учреждений культуры и образования, социальных служб в целях решения практических вопросов, связанных с репродуктивным самоопределением личности.

Материалы диссертации, а также разработанный и апробированный учебно-методический комплекс элективного курса «Репродуктивная культура молодежи», могут быть использованы: в системе профессионального образования для слушателей гуманитарного профиля (философов, культурологов, историков, социологов, педагогов, психологов и др.); в системе переподготовки кадров в целях повышения квалификации специалистов, работающих с семьей и молодежью; в системе дополнительного образования в рамках культурно-просветительских программ для будущих родителей.

Личный вклад автора состоит в разработке теории репродуктивной культуры: ее понятийного аппарата, структурно-функциональной модели, исторической типологии, раскрывающей тенденции ее развития; выявлении и исследовании механизмов трансляции репродуктивной культуры в современном российском обществе; обосновании и проектировании модели прокреационного образования как целенаправленного механизма трансляции репродуктивной культуры, апробации этой модели с участием автора.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Работа выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 24.00.01 «Теория и история культуры»: 1.02. – теоретические концепции культуры; 1.03. – исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 1.05. – морфология и типология культуры, ее функции; 1.11 – взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии; 1.13. – факторы развития культуры; 1.16 – традиции и механизмы культурного наследования; 1.18 – культура и общество; 1.20. –

культура и субкультуры; 1.23. – личность и культура; 1.32. – система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре.

Положения, выносимые на защиту:

1. Репродуктивная культура представляет собой динамическую ценностно-нормативную систему, предназначенную для регуляции исторически трансформирующихся репродуктивных потребностей человека и общества за счет амбивалентной направленности сдерживания и реализации способности продолжения рода. Данная культура является качественной характеристикой жизнедеятельности мужчин и женщин, основанной на общечеловеческой ценности деторождения как одного из показателей полноценной жизни человека. Сущность репродуктивной культуры раскрывается в ее соотношении с такими видами культуры, как: сексуальная культура, культура здоровья, родительская культура, культура повседневности.

2. На основе системного и деятельностного подходов предложена структурно-функциональная модель репродуктивной культуры, состоящая из трех подсистем: ментальной, пронатальной и антинатальной, которые включают ценностно-нормативный, когнитивный, практико-поведенческий слои, имеющие свое специфическое наполнение. Наличие пронатальной и антинатальной подсистем отражает амбивалентную сущность рассматриваемой культуры, обусловленную двойственной природой репродуктивного поведения человека. Репродуктивной культуре наряду с универсальными функциями (регулятивной, адаптивной, коммуникативной, трансляционной, социализации и инкультурации) присуще и специальное назначение – снижение биосоциальных рисков, сопутствующих репродукции человека. Данная функция наполняется вариативными смыслами на уровне личности, государства и общества в определенных культурно-исторических условиях.

3. Сравнительно-исторический анализ позволил выделить четыре основных типа репродуктивной культуры: архаическая, аграрная, индустриальная и постиндустриальная (современная), в ходе эволюции которых наметились тенденции рационализации и десакрализации репродуктивной культуры, сопровождающиеся нарастанием репрессивного отношения к способности продолжения рода, невротизацией и медиализацией репродуктивного поведения, его дифференциацией от сексуального поведения. В эпоху постмодерна состояние репродуктивной культуры человека определяется влиянием новых тенденций, таких как возрастание индивидуальной субъектности, деинтимизация и коммерциализация повседневных репродуктивных практик, а также профессионализация, универсализация, целенаправленная трансляция и сглаживание гендерной асимметрии рассматриваемой культуры. Под влиянием этих тенденций для современного типа репродуктивной культуры, развивавшейся в условиях европейской цивилизации, характерна переоценка духовных оснований репродукции человека, выражающаяся в доминировании ценностей свободы и безопасности, девальвации ценностей родства, родительства и долга, что стимулирует развитие ее антинатальной и ограничивает пронатальную подсистему.

4. Выявленная на основе феноменологического подхода российская специфика репродуктивной культуры прослеживается в каждой из ее подсистем. В ментальной – наличие асоциального имиджа многодетности, предельно либеральные правовые и этнографические нормы, регулирующие репродуктивное поведение, стихийность и низкая степень ответственности за его последствия. В пронатальной – нелегальность практик домашнего родоразрешения, низкая востребованность дополнительных образовательных услуг в период ожидания ребенка. В антинатальной – традиционно высокая распространенность девиантных способов регулирования способности продолжения рода.

5. Анализ механизмов трансляции репродуктивной культуры показал существование двух принципиально различных групп: одни механизмы действуют стихийно и фрагментарно, но при этом имеют широкую аудиторию воздействия (семья, Интернет, СМИ); другие (конфессии, общественные организации, медико-социальные службы, учреждения дополнительного образования) оказывают влияние узконаправленно, фокусируясь на определенных группах населения, но в целом их деятельность в российских условиях не обеспечивает культурной преемственности традиционных, обладающих национально-этнической самобытностью, и инновационных компонентов репродуктивной культуры.

6. Актуализация ресурсных возможностей репродуктивной культуры для позитивных личностных и общественных преобразований обусловили необходимость разработки массового и целенаправленного механизма ее трансляции – прокреационного образования, представляющего собой целостную систему полисубъектной культурно-просветительской деятельности, направленной на создание условий для превентивного репродуктивного самоопределения студенческой молодежи. Культурная миссия прокреационного образования заключается в сохранении старых и формировании новых традиций, обеспечивающих культурную преемственность в прокреационной сфере жизнедеятельности личности и общества. Предлагаемая модель прокреационного образования состоит из концептуально-содержательного, организационно-деятельностного, монито-рингового блоков и предназначена для реализации в учреждениях профессионального образования.

Апробация исследования и внедрение его результатов.

По теме диссертационного исследования опубликованы 4 монографии, 3 учебно-методических издания, 42 статьи (14 из них в изданиях, рекомендованных ВАК РФ).

Результаты и выводы исследования прошли апробацию в выступлениях и докладах диссертанта *на международных конференциях*: «Семья – будущее России» (Екатеринбург, 2004), «Демографические проблемы современного общества» (Балашов, 2007), «Человек в российской повседневности: история и современность» (Пенза, 2009), «Особенности формирования здорового образа жизни: факторы и условия» (Улан-Уде, 2009), «Мужское и мужественное в современной культуре» (Санкт-Петербург, 2009), «Социальная безопасность и защита человека» (Пермь, 2010), «Модернизация систе-

мы образования в глобальном образовательном пространстве» (Туркестан, 2010), «Система ценностей современного общества» (Новосибирск, 2011); «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 2011), «Семиосфера» Ю. М. Лотмана: рецепции в современном социально-гуманитарном знании» (Москва, 2012); на *Всероссийских конференциях*: «Татишевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (Тольятти, 2007); «Актуальные проблемы взаимодействия науки и практики в развитии образования» (Краснодар, 2008), «Идеологические аспекты методологического обеспечения научных исследований» (Москва, 2010), «VI Сорокинские чтения» (Москва, МГУ, 2010), «Практики повседневности» (Екатеринбург, 2011); «Историческая динамика российских нравов: консерватизм vs модернизация» (Екатеринбург, 2012); на *региональных конференциях*: «Преимущество поколений: социально-демографические аспекты» (Екатеринбург, 2011), «Феномен повседневности в философском измерении» (Екатеринбург, 2011).

Результаты исследования использованы: при разработке и реализации муниципального гранта администрации г. Екатеринбурга: «Воспитание репродуктивной культуры молодежи», реализованного на базе ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» (УрГПУ) совместно с НОУ «Уральский центр дополнительного образования» (2006–2008 гг.); в рамках студенческих конференций и круглых столов для специалистов, проходивших на базе УрГПУ и других вузов г. Екатеринбурга (2007–2012 гг.).

Многие идеи и положения апробированы в лекционных курсах: «Культурология», «Репродуктивная культура молодежи», читаемых автором для студентов, магистрантов и аспирантов УрГПУ; а также в ходе проведения культурно-просветительских программ для будущих родителей на базе Дворца культуры «Эльмаш» (г. Екатеринбург).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры культурологии Уральского государственного педагогического университета 6 декабря 2012 г. (протокол № 5).

Структура и объем работы. Диссертация включает: введение, четыре главы, состоящие из тринадцати параграфов, заключение, библиографический список и три приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, проанализирована степень ее разработанности, сформулирована научная проблема, цель, задачи, гипотеза исследования, теоретико-методологическая база, положения, выносимые на защиту, научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов диссертационной работы.

В первой главе «Репродуктивная культура как объект культурологического исследования» определяется понятие «репродуктивная культура» и ряд других понятий, раскрывающих ее содержание, структуру, функциональное назначение и местоположение в мире культуры.

Параграф 1.1. «Культурологический подход к изучению репродуктивного поведения человека» посвящен рассмотрению существующих методологических подходов в изучении репродуктивного поведения человека, а также определению сути культурологического подхода в исследовании прокреационной сферы жизнедеятельности личности и общества.

В данном параграфе отмечается, что в социально-гуманитарном знании в соответствии с проблематикой и методологией различных наук об обществе и человеке сформировалось несколько подходов к изучению репродуктивного поведения человека: медико-антропологический, биоэтический, демографический, социологический, экономический, гендерный, психолого-педагогический, этнографический. В рамках последнего подхода культурные контуры репродукции нашли отражение в работах Б. Малиновского¹ (1929 г.), М. Мид (1949 г.)² и ряда других авторов еще в первой половине XX в., но репродуктивное поведение не являлось предметом самостоятельного исследования, а рассматривалось в тесной связи с проявлениями сексуальности человека. Исключение составляет уникальная работа К. Форда³ (1945 г.), который проанализировал практики и верования, касающиеся зачатия, развития плода, абортов и контроля над рождаемостью в 64 разных обществах, но этот ценнейший фактологический материал не содержал концептуальных обобщений относительно социокультурных регулятивов репродуктивного поведения.

В современных гендерных и антропологических исследованиях отечественных и зарубежных авторов, посвященных анализу репрезентаций женского тела и материнства, деторождение определяется как всецело культурный процесс. Отталкиваясь от этих представлений, диссертант полагает, что проблематика человеческой репродукции нуждается в культурологическом анализе, а само понятие «репродуктивное поведение человека», помимо существующих трактовок, необходимо дополнить культурологическим содержанием.

С культурологических позиций можно говорить о различных культурных практиках, культурных традициях и ценностях, детерминирующих репродуктивное поведение, культурных символах, социокультурных факторах репродуктивного поведения, и, в конечном счете, об особом виде культуры – *репродуктивной культуре* или, как синоним, – *культуре репродуктивного поведения человека*. В понимании диссертанта, эти понятия обозначают один и тот же культурный феномен. Формулировка «репродуктивная культура» соответствует сложившейся семиотической традиции обозначать слагаемые культуры как согласованное сочетание имени существительного и прилагательного: «правовая культура», «бытовая культура» и т. д., но в данном случае, смысл репродуктивной культуры может быть понят буквально, как выполнение неких действий по заданному образцу, поэтому формулировка

¹ Malinowski B. The Sexual Life of Savages in Northwestern Melanesia. L., 1929.

² Мид М. Мужское и женское. М., РОССПЭН, 2004.

³ Ford C. S. A Comparative Study of Human Reproduction. New Haven: Yale University Press, 1945.

«культура репродуктивного поведения человека» более развернутая, исключая двусмысленность ее толкования. Обозначенные выше подходы отражают отдельные характеристики, но не передают морфологии, типологии, функционирования репродуктивной культуры. Культурологический подход к изучению репродуктивного поведения человека позволяет осмыслить данный феномен через призму регулирующей его культуры.

Культурологический подход служит формированию представлений о сущностном функциональном единстве репродуктивной культуры как целостной социокультурной реальности, обладающей общечеловеческими смыслами, но, в то же время диссертант использует и культурно-антропологический подход, который формирует представление о многообразии реальных повседневных практик репродукции человека в рамках конкретных национальных форм.

В понимании культуры диссертант отталкивается от представлений, сформировавшихся в рамках американской и английской традиций культурной (социальной) антропологии, в частности неозволюционистских (Л. Уайт) и структурно-функционалистских концепций (Б. Малиновский, Дж. Мердок), согласно которым культура – это способ адаптации человека к природе, причем адаптации не только к внешней природе, но и природе собственной телесности.

Другими принципиальным основанием понимания культуры является тезис, представленный в немецкой философской антропологии и в трудах отечественных философов-культурологов, придерживавшихся парадигмы деятельностного подхода (М. С. Каган, Э. С. Маркарян), об активной роли человека в процессе культурогенеза. С этих позиций, *культура может быть определена как созидательный опыт человечества, обладающий человеко-творческой функцией, в структуре которого воспроизводится деятельностное отношение человека к миру, обусловленное удовлетворением его потребностей.*

Диссертант выделяет три слоя культуры *ценностно-нормативный, когнитивный, практико-поведенческий.* Указанная структура помогает представить процесс вхождения человека в культуру как субъекта практического, познавательного и ценностного отношений к миру. Потребности, лежащие в основе репродуктивного поведения, служат основанием для целенаправленного выбора тех или иных духовных приоритетов, образующих ценностно-смысловое ядро репродуктивной культуры, ее ценностно-нормативный слой. Практико-поведенческий слой охватывает повседневные практики репродуктивного поведения; материальный мир репродуктивной культуры, в понимании диссертанта, является частью практико-поведенческого слоя, поскольку человеческая деятельность неотделима от манипулирования предметами. Когнитивный слой репродуктивной культуры представлен совокупностью знаний относительно процессов прокреации.

Термин *«прокреация»* подразумевает рождение детей и является синонимом термина *«репродукция»*, который сегодня активно используется в со-

циально-гуманитарных исследованиях. Но, поскольку бытие культуры есть постоянно обновляющийся, креативный, созидательный процесс, в области культурологического знания, с точки зрения диссертанта, предпочтительнее использовать именно термин «прокреация», тем самым подчеркивая, что в фокусе внимания находится не собственно биологический процесс воспроизводства человека, а его социокультурное содержание, которое в историческом и национально-географическом измерениях очень вариативно и имеет большой простор для творчества, тогда как термин «репродуктивный» по своему смыслу лишен творческого начала. Но, учитывая сложившуюся традицию его использования, в рамках культурологического исследования диссертант говорит о такой сфере жизнедеятельности личности и общества как *сфера прокреации* и реализуемом в ней *репродуктивном поведении*.

Репродуктивное поведение человека трактуется диссертантом как функция телесности, регулируемая социокультурными факторами и направленная на удовлетворения потребностей, связанных с наличием или отсутствием детей. Эта трактовка, подчеркивающая наличие социокультурных детерминант репродуктивного поведения, обуславливает необходимость его изучения с культурологических позиций.

Область культурологии, исследующая вторичные внеприродные регулятивы продолжения рода, может быть обозначена как *культурологическая репродуктивистика*. Данный сегмент культурологического знания является новым и перспективным, в его задачи входит решение общетеоретических и прикладных задач на мега-, макро- и микроуровнях существования репродуктивной культуры, которая в первом приближении может быть определена как *средство и результат упорядочения реализации телесной функции продолжения рода, как мера очеловечивания воспроизводства новой жизни*.

Помимо антропологического, рассматриваемая культура содержит индивидуальный и социальный уровни, которые поддаются разграничению в ходе теоретического анализа, поэтому в данном исследовании используются понятия: *«репродуктивная культура человека»*, *«репродуктивная культура общества»* и *«репродуктивная культура личности»*, но в реальности они неотделимы друг от друга. Анализ состояния репродуктивной культуры в современном российском обществе подчинен дедуктивной логике. К пониманию универсальных и вариативных характеристик рассматриваемой культуры диссертант идет пути ее изучения в контексте мировой цивилизации, европейской цивилизации и России как части глобального культурного пространства.

Универсальные морфологические характеристики репродуктивной культуры отражены в параграфе 1.2. **«Содержание и структура репродуктивной культуры»**, в котором с позиций системного подхода представлена модель рассматриваемой культуры, проанализировано ее содержательное наполнение.

Системный подход основывается на принципе целостности изучаемого феномена и заключается в исследовании его интегративных свойств, не сводимых к свойствам отдельных элементов, образующих это целое. М. С. Каган,

Э. С. Маркарян, Ю. В. Осокин, Ю. М. Резник, П. Ю. Черношвитов и другие отечественные авторы широко используют методологию системного подхода в изучении культурных феноменов. Отталкиваясь от их исследований, диссертант рассматривает репродуктивную культуру как динамическую систему, находящуюся в постоянном изменении. *Репродуктивная культура охватывает совокупный культурный опыт регулирования способности продолжения рода, складывавшийся в ходе эволюционного развития человечества.* В рамках конкретных культур, существовавших в прошлом или существующих в настоящем, наблюдается то или иное состояние репродуктивной культуры, описываемое через ее содержание, структуру, функции, факторы формирования.

Универсальная структурная модель репродуктивной культуры, разработанная диссертантом, имеет радиальную форму двух половинок, соединенных общим ядром, и включает три взаимосвязанных подсистемы: *ментальная, пронатальная, антинатальная*, которые отражают мир идей и материальных артефактов данной культуры. Ментальная подсистема выполняет роль ядра, объединяющего ценности, верования, нормы, традиции, специальные знания, определяющие отношение общества к рождению детей и отношение индивида к способности продолжения рода. Ключевым элементом ментальной подсистемы являются ценности. Диссертант полагает, что в основе репродуктивной культуры лежат *витальные ценности* (жизнь, здоровье, безопасность); *социальные ценности* (семья, дети, родительство, свобода), *духовные ценности* (чувство любви, уважения, долга и ответственности перед природой, обществом и самим собой), *эстетические ценности* (красота, гармония). Все они определяют содержание медико-биологических, этических, правовых, этнографических норм, регулирующих репродуктивное поведение человека. В диссертации представлено содержательное наполнение этого нормативного комплекса, характерного для современной российской действительности.

Пронатальная подсистема репродуктивной культуры несет в себе социокультурную регламентацию действий, направленных на рождение детей. Антинатальная – отвечает за противодействие способности продолжения рода с целью поддержания обратимой или необратимой инфертильности.

Пронатальная подсистема включает такую подструктуру репродуктивной культуры как *перинатальная культура*, которая аккумулирует знания, умения, ценности, средства, необходимые на стадии подготовки к зачатию, в процессе беременности, в момент рождения ребенка и для дальнейшего ухода за ним на протяжении младенческого возраста. Кроме того, с учетом наблюдающегося развития вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), в рамках пронатальной подсистемы постепенно складывается особая субкультура, связанная с их применением.

Антинатальная подсистема состоит из *контрацептивной культуры*, регулирующей использование методов и средств предупреждения наступления беременности, а также подструктуры, связанной с применением искусственных абортов, получившей в научной литературе некультурологического толка название «*абортной культуры*».

В существующей полемике (Н. Д. Антипова, Б. П. Денисов, Е. А. Здравомыслова, В. И. Сакевич) вокруг статуса «абортной культуры» и возможности называть абортные практики культурой, диссертант утверждает, что данный феномен действительно обладает трехслойной структурой, характерной для явлений культуры, т.е. имеет ценностно-нормативную, когнитивную и практико-поведенческую регуляцию. Но он сродни культуре по форме, однако, в силу антигуманного содержания «абортную культуру» правомнее назвать антикультурой, которая в определенных исторических обстоятельствах с периферийных позиций способна переходить в наступление, оказывая доминирующее влияние на повседневные репродуктивные практики (как это было в 1960–1980 гг. в СССР).

Принято рассматривать абортные практики исключительно как следствие особых жизненных обстоятельств, маргинализирующих репродуктивную стратегию индивида, или как проявление его безнравственности, но когда применение абортов становится массовым и превышает количество рождений, это уже не случайность и не индивидуальная проблема ее носителей, а результат взаимодействия человека и окружающей его социокультурной реальности, налагающей на него определенные требования соответствия стандартам успеха и благополучия, в том числе, за счет агрессивных и аутоагрессивных действий, допустимых рамками закона и общественного мнения. Наличие «абортной культуры» в ее современном качестве, предусматривающем многочисленные легитимные основания для искусственного прерывания беременности, отдаляет репродуктивную культуру от некоего гармоничного и гуманистического идеала, делает ее иррациональной. Но культура, в понимании диссертанта, не только положительное явление, она противоречива в своем развитии, поэтому «абортная культура» рассматривается нами как неотъемлемая подструктура репродуктивной культуры.

Морфологические элементы предлагаемой модели репродуктивной культуры, с одной стороны, отражают ценностно-нормативный, когнитивный и практико-поведенческий слои, присущие любой культуре, но с другой, совместное сосуществование противоположно направленных антинатальной и пронатальной подсистем демонстрируют ее амбивалентную сущность, обусловленную двойственной природой репродуктивного поведения, которое в зависимости от потребностей личности или общества может быть нацелено на деторождение или на сдерживание способности продолжения рода.

В отношении репродуктивной культуры речь идет о потребности, которая на индивидуальном уровне в отечественной научной литературе обозначается как «потребность в детях» (А. И. Антонов, В. В. Бойко). Поскольку данная формулировка, во-первых, подразумевает комплекс потребностей, а во вторых, не применима к обществу, диссертант предлагает использовать универсальное понятие *«прокреационные потребности»*. На уровне общества прокреационные потребности предполагают поддержание необходимых количественных и качественных показателей рождаемости, а на уровне личности *прокреационные потребности – это комплекс социокультурных, ду-*

*ховных, психологических, экономических, физиологических потребностей, связанных с рождением детей (их смысл конкретизирован в тексте диссертации). Понятие «прокреационные потребности» по своему содержанию уже, нежели понятие «репродуктивные потребности», поскольку репродуктивные потребности, наряду с рождением детей включают и потребность в сдерживании способности продолжения рода, т.е. *прокреационные потребности – часть репродуктивных потребностей, индуцирующая пронатальный вектор репродуктивного поведения.**

С этих позиций *репродуктивная культура представляет собой исторически обусловленный способ реализации репродуктивных потребностей человека, имеющих амбивалентный характер.* Данная культура складывается из повседневных репродуктивных практик многих людей, из институционального регулирования репродукции человека, состояния потребительского рынка товаров и услуг, связанных с прокреационной сферой, действенности механизмов трансляции соответствующих социокультурных нормативов. Кроме того, можно говорить о репродуктивной культуре как о мере освоения индивидом некоего целостного информационно-семиотического пространства, сочетающего в себе традиционные и инновационные компоненты и существующего в обществе для удовлетворения репродуктивных потребностей. Выбор путей реализации этих потребностей входит в функциональное назначение рассматриваемой культуры.

В параграфе 1.3. «Функции репродуктивной культуры» выделены *универсальные и специальные функции* исследуемой культуры, являющиеся ее интегративными свойствами. В качестве универсальных диссертант рассматривает функции, свойственные и другим видам культуры. Это функции: социокультурной регуляции, адаптации, коммуникации, трансляции, социализации и инкультурации.

Функция *социокультурной регуляции* заключается в том, что рассматриваемая культура призвана регулировать целеполагание, планирование и конкретные действия, направленные на сдерживание или реализацию способности продолжения рода отдельного индивида или воспроизводство человеческого капитала в целом. Репродуктивная культура определяет этически и валеологически приемлемые цели в прокреационной сфере жизненного мира человека, а также допустимые средства их достижения, накладывая определенные ограничения на возможные предпочтения индивида. Данная функция осуществляется как самим индивидом, по мере накопления слагаемых репродуктивной культуры, так и обществом.

Смысл функции *социокультурной адаптации* состоит в рационализации деятельности, экономии времени и затрат труда за счет перемен повседневных практик и культурных образцов. В прокреационной сфере за последние десятилетия произошли значительные изменения в сознании и деятельности людей. В том числе именно в целях экономии временных и трудовых затрат доминируют малодетные установки, предполагающие индивидуальный контроль способности продолжения рода. Другие перемены в созна-

нии, заключаются, например, в отношении к бесплодию, состоянию беременности, родам и т. д.

Репродуктивная культура реализует функцию *социокультурной коммуникации* в нескольких типах коммуникаций: с брачным партнером по поводу регламентации репродуктивных стратегий; с профессиональными (врачи и др.) и непрофессиональными (СМИ, ближайшее окружение) консультантами, сопровождающими репродуктивные процессы, а также с ребенком. Специфика последнего варианта коммуникации заключается в том, что она осуществляется еще до рождения ребенка и на младенческой стадии его развития, поэтому доминируют невербальные, физические и эмоциональные способы взаимодействия.

Трансляционная функция репродуктивной культуры заключается в накоплении, исторической преемственности и передаче социокультурного опыта в осуществлении репродукции человека. Данная функция тесно связана с функцией социализации и инкультурации подрастающего поколения. В процессе усвоения репродуктивной культуры формируются определенные способы реализации репродуктивных потребностей личности, характерные для конкретной культурно-исторической эпохи. В настоящее время, аккумулируя в себе традиции прежних поколений, умноженные на инновации XXI века, репродуктивная культура позволяет бережно относиться к способности продолжения рода и выполнять эту миссию без существенных нарушений в социальном функционировании.

Нарушения в социальном функционировании личности или общества тесно связаны с присущими репродуктивному поведению рисками, поэтому *в качестве специальной функции, свойственной рассматриваемой культуре, диссертант выделяет функцию снижения биосоциальных рисков, сопутствующих репродукции человека*. Помимо общепринятого разделения рисков на биологические и социальные, в диссертации представлены еще две классификации рисков репродуктивного поведения: гендерная и структурная. Понимание рисков позволяет обосновать значение данной функции, которое заключается в предотвращении нарушений социокультурных взаимодействий, обусловленных отсутствием детей или их появлением вне нормативных условий, т. е. смысл специальной функции репродуктивной культуры тесно связан с ценностью «безопасность». *На уровне личности безопасность обеспечивается через превентивное репродуктивное самоопределение и формирование гражданской ответственности за последствия репродуктивного поведения; на уровне государства – через поддержание желаемого типа воспроизводства населения; на уровне общества – через профилактику девиантного родительства*. В каждом конкретном обществе функция снижения биосоциальных рисков, сопутствующих репродукции человека, наполняется разными смыслами, в частности, безопасное развитие современной России предполагает преодоление депопуляции и связанных с ней процессов изменения национального состава населения, утраты национальных традиций и разрушения национального самосознания.

Учитывая сказанное, в функциональном ракурсе *репродуктивная культура может быть определена как важнейший адаптивный регулятив повседневного бытия человека, позволяющий минимизировать биосоциальные риски в такой форме человекотворчества как продолжение себя в детях.*

Понимание внутренней структуры, содержания и функций репродуктивной культуры позволяет определить ее место в мире культуры. Решению данной исследовательской задачи посвящен следующий параграф.

1.4. «Репродуктивная культура как подсистема культуры повседневности». Руководствуясь методологией деятельностного подхода, диссертант опирался на типологию, предложенную А. Я. Флиером, который выделяет четыре области культуры, связанные с человеческой жизнедеятельностью: 1) культура социальной организации и регуляции; 2) культура познания и рефлексии мира; 3) культура социальной коммуникации, накопления, хранения, трансляции информации; 4) культура физической и психической репродукции, реабилитации и рекреации человека. В данной классификации место культуры репродуктивного поведения просматривается в последней области культуры, которую также можно обозначить как *«культура телесности»*.

Учет психологической и социокультурной детерминации человеческой телесности представлен в работах классиков (М. Мосса, Д. Пайнз, З. Фрейда, М. Фуко) и современных ученых (И. М. Быховской, Е. А. Кашенко, И. С. Кона, В. Л. Круткина, Д. В. Михеля и др.), затрагивающих, в том числе и проблематику человеческой репродукции. Отталкиваясь от этих исследований, диссертант проанализировал соотношение репродуктивной культуры с другими культурами, регулирующими проявления человеческой телесности, в частности – сексуальной культурой и культурой здоровья.

В диссертации отмечается, что дифференциация сексуальной культуры и репродуктивной культуры – есть закономерный итог смены прокреационной модели сексуальности на рекреационную, что привело к изменению функционального назначения сексуального поведения и репродуктивного поведения, а вместе с тем и их ценностно-нормативного регулирования. Репродуктивная культура определяет нормативное поле жизненного мира человека, охватывающего процессы зачатия, беременности, родов, лактации и их возможные девиации. Сексуальная культура очерчивает границы приемлемого в сексуальном поведении, т.е. допустимых способов реализации сексуального влечения и всего комплекса общения с половым партнером. Назначение культуры репродуктивного поведения на индивидуальном уровне локально привязано к репродуктивному возрасту, тогда как востребованность сексуальной культуры зависит от устремлений и образа жизни личности. Важное отличие культурного регулирования сексуального поведения от репродуктивного проявляется и в том, что в поисках сексуального удовлетворения индивид может заменять непосредственный физический контакт мнимым, виртуальным контактом или предпочитать любому виду коммуникации определенные суррогаты – предметы, визуальные образы, собственные фантазии. Репродуктивное поведение как в отрицательной (антинаталь-

ной), так и в положительной фазе (пронатальной), протекает в реальном времени и пространстве и предполагает взаимодействия разного уровня – физическое, эмоциональное, духовное – с другими людьми: половым партнером, с ребенком, с «третьими лицами», выполняющими роль помощников на разных стадиях репродуктивного цикла. Областью соприкосновения сексуальной культуры и культуры репродуктивного поведения является регламентация зачатия новой жизни как процесса биологического и духовного одновременно.

В процессе подготовки к рождению ребенка возрастает необходимость заботы о здоровье. Ценность здоровья сближает репродуктивную культуру с культурой здоровья, особенно в части пронатальной подсистемы, но в то же время, в рамках антинатальной подсистемы не исключается сознательное нанесение ущерба репродуктивному здоровью. Диссертант утверждает, что особенность репродуктивного здоровья состоит в том, что, с одной стороны, оно есть благо, а, с другой, это потенциальный риск, влекущий за собой изменение статусной позиции человека, а в некоторых случаях – представляющий угрозу его физическому существованию. Если общее психосоматическое здоровье – это безусловная ценность, то репродуктивное здоровье представляет собой телесный потенциал, который может из созидательной силы стать силой разрушительной. Поэтому контуры культуры здоровья и репродуктивной культуры имеют некоторые области пересечения, но в целом далеки от полного слияния: репродуктивная культура, во-первых, не сводится к задаче сохранения репродуктивного здоровья, а во-вторых, тесно связана с проблемой воспроизводства человеческой жизни, тогда как культура здоровья обеспечивает ее поддержание.

Поднимаясь на следующий уровень обобщения, репродуктивная культура может рассматриваться как подструктура культуры жизнеобеспечения, которая шире культуры телесности, поскольку помимо отношений с телом, в нее входят отношения с природой и обществом, нацеленные на сохранение жизни. По мере повышения таксономического ранга культура жизнеобеспечения, в свою очередь, органично входит в культуру повседневности, которая в понимании диссертанта представляет собой привычный, рутинный образ жизни, усваиваемый индивидом за счет фонового знания и повседневных социальных контактов. Культура повседневности вмещает в себя все четыре области культуры, связанные с человеческой жизнедеятельностью, выделенные А. Я. Флиером.

Такая подсистема повседневной культуры как родительская культура, относящаяся к культуре «социальной коммуникации, накопления, хранения и трансляции информации», также имеет смежную область с репродуктивной культурой. Родительская культура регламентирует обеспечение культурной преемственности поколений, тогда как репродуктивная культура упорядочивает способность продолжения рода. Период младенчества является той пограничной областью, которая дает возможность краткосрочно пересечься контурам биологического и социального родительства. В целом, родительскую

культуру и репродуктивную культуру объединяет ответственность за жизнь и здоровье ребенка, а разделяют средства реализации этой ответственности. В репродуктивной культуре забота о благе ребенка проявляется через заботу о собственной телесности: например, благополучие беременной женщины является гарантом благополучия вынашиваемого ребенка, а в родительской культуре, наоборот, защита и поддержка ребенка может потребовать жертв от родителей, которые ради детей откажут себе в самом необходимом, а в чрезвычайных обстоятельствах могут пожертвовать и жизнью.

Таким образом, *репродуктивная культура является одной из подсистем культуры повседневности, упорядочивающей способность продолжения рода в рамках привычного, рутинного образа жизни человека.* Репродуктивная культура имеет смежные области с другими подсистемами культуры повседневности: сексуальной культурой, культурой здоровья, родительской культурой.

Во второй главе «Историческая динамика репродуктивной культуры» отражена трансформация ценностно-нормативного, когнитивного, практико-поведенческого слоев репродуктивной культуры.

В параграфе 2.1. «Факторы трансформации репродуктивной культуры» диссертант выделил социокультурные факторы, интегративное влияние которых определяет духовные смыслы репродуктивного поведения, выбор его целей и средств. В данном параграфе сосредоточено внимание на таких внешних по отношению к личности факторах (макрофакторах), как влияние государства, религии, научно-технического прогресса, а также внутренних факторах (микрофакторах), связанных с репродуктивным самоопределением личности; продемонстрировано изменение соотношения их значимости с течением исторического времени. В частности отмечено, что стремление государства влиять на процесс рождаемости, используя различные рычаги воздействия (идеологические, правовые, социально-экономические) – это многовековая историческая данность, тогда как индивидуальное стремление контролировать рождение детей приняло массовый характер только в эпоху демографического перехода, характеризующегося не только процессом сменой роста населения на режим его стабилизации, но и глобальными культурными процессами – распадом традиционных идеологий, отсутствием новых организующих концепций, распространением либеральных ценностей, ведущих к масштабным трансформациям в самых разных измерениях бытия и сознания человека. В прокреационной сфере эти изменения тесно связаны с реализацией комплексных программ «планирования семьи».

Концепт «планирование семьи», введенный в научный оборот по инициативе ООН в 60-х годах XX века, впервые узаконил репродуктивные права, которые подразумевают право личности (семьи) на свободное определение числа детей и сроков их рождения. Этот аспект культурной идентификации личности в предлагаемой концепции репродуктивной культуры обозначается как *репродуктивное самоопределение*, которое выражается в согласовании индивидом собственных репродуктивных потребностей с существую-

щими в обществе социокультурными нормами детности, а также с доступными возможностями их реализации. Превентивное репродуктивное самоопределение личности является принципиальным условием *сознательного родительства*, основанного на целенаправленном содействии или противодействии продолжению рода.

Подобное противодействие противоречит религиозным канонам, поэтому в пространстве европейской культуры государственное и индивидуальное вторжение в сферу репродукции человека не находило и не находит конфессиональной поддержки. Программы планирования семьи осуждаются и называются «культурой смерти». В частности, Русская Православная Церковь (РПЦ) видит в планировании семьи «опасный вирус» – идеологию, навязанную враждебными силами, заинтересованными в вымирании русского народа и подрыве национальной безопасности. Не разделяя всех критических положений, отстаиваемых РПЦ, диссертант рассматривает концепт планирования семьи как этически противоречивый дискурс, отражающий стремление современного общества сознательно контролировать процессы рождаемости на государственном и индивидуальном уровне за счет совокупности мер, не исключая применение абортивных практик. Сам термин «планирование семьи» с точки зрения русского языка семантически некорректен, так как за словами «планирование семьи», могут скрываться организационно-контролирующие действия по реализации хозяйственно-бытовой, экономической, рекреативной функций семьи, т. е. в дословном значении слов «планирование» и «семья» ни что прямо не указывает на деторождение. Тем не менее, концепт планирования семьи сыграл важную историческую роль в генезисе культурных норм репродуктивного поведения, провозгласив репродуктивные права неотъемлемой частью прав человека.

Легитимизация индивидуального стремления контролировать способность продолжения рода (60–70-е годы XX в.), подкрепленная рядом достижений научно-технического прогресса, впервые создала условия для формирования различных повседневных практик репродуктивного поведения в одинаковых социокультурных условиях.

Исторические предпосылки данного процесса представлены в следующем параграфе.

2.2. «Исторические типы репродуктивной культуры». В этом параграфе диссертант рассмотрел динамику репродуктивной культуры в макро-временных масштабах (в рамках архаичной, античной, средневековой культуры, культуры эпохи Возрождения, Нового времени) и на основании технологической типологизации выделил четыре типа культуры репродуктивного поведения: *архаичная, аграрная, индустриальная, постиндустриальная (современная)*, которые различаются приоритетом ценностей, соотношением антинатальной и пронатальной подсистем, состоянием ритуально-обрядовой стороны репродуктивных процессов, их материальным наполнением, а также типом воспроизводства населения, который связан с социокультурным эталоном детности.

В диссертации отмечается, что синкретичная мифо-ритуальная ментальность, характерная для архаичной культуры, уже включала многочисленные способы регламентации репродуктивного поведения (табу инцеста, наличие культа плодородия в его женском и мужском вариантах), но еще не предполагала репрессивного отношения к способности продолжения рода, доминирующего в современной репродуктивной культуре. С течением времени, освободившись от культа плодородия и ощущения тотемного родства, человек утратил трепетное отношение к деторождению и начал движение к индивидуализации собственного бытия, что привело к нарастанию репрессии в отношении способности продолжения рода и антинатальному сдвигу в системе ценностей, определяющих ментальную сущность репродуктивной культуры.

В античном обществе первые шаги в этом направлении сделало государство. Значимость управления процессом репродукции для благополучия общества подчеркивается Платоном («Законы»), который определяет стремление к продолжению рода как «величайшую нужду». Но вместе с этим Платон высказывал антидетные настроения, обусловленные необходимостью контроля над рождаемостью, провозглашая в качестве идеала простой тип воспроизводства населения. Регулировать рождаемость предлагалось с помощью трех могущественнейших средств: «страха, закона и правдивого слова», служащих прообразами современных культурных форм политического, экономического и идеологического воздействия.

В Средневековье наметилась явная *тенденция дифференциации сексуального и репродуктивного поведения*: самооценность сексуального как цели, а не средства, отрицалась; деторождение оставалось ценным («плодитесь и размножайтесь»), но при определенных условиях: материнство и отцовство обретали положительные смыслы только в отношениях, санкционируемых религией, т. е. в браке.

Попытка реабилитировать телесность, характерная для эпохи Возрождения, не смогла преодолеть многовековой репрессии сексуальности в европейском христианском мире, но была предвестником сексуальной революции XX века и ускорила дистанцирование сексуальной сферы от репродуктивной, и соответственно дифференциацию сексуальной культуры от репродуктивной. Кроме того, отчетливо проявилась *невротизация* репродуктивного поведения. Физическое страдание, боль, страхи, потери биологического и социального порядка стали расцениваться как имманентно присущие характеристики родительства (особенно материнства), поэтому именно в этот период в ментальной подсистеме рассматриваемой культуры такая ценность как безопасность репродуктивного поведения наполнилась новым (по сравнению с архаикой) содержанием.

«Безопасность» как ценность в традиционном патриархальном обществе освободилась от мистических образов и стала приближаться к ее современным телесно-ориентированным смыслам как гарантии сохранения здоровья и долголетия, но ее значение в рассматриваемый исторический период

кроется, прежде всего, в социальном ракурсе – «опасное» репродуктивное поведение, т. е. чреватое общественными карательными санкциями, и «безопасное», несущее признание и повышение статусной позиции индивида за верность традициям. Появление социальной опасности как атрибутивного признака репродуктивного поведения неминуемо вело к антинательным настроениям, а вместе с ними существованию контрацептивных и абортивных практик, а также распространению «отказного» материнского инфантицида новорожденных.

В средневековом обществе выделились специальные носители и хранители репродуктивной культуры – повитухи, занимавшиеся родовспоможением и контрацептивно-абортивными практиками. Их деятельность носила сакральный характер и была преемственно связана, с одной стороны, с бытовыми символами и традициями языческих культов первобытного общества, а с другой, с христианской обрядностью. В период Нового времени развитие медицины, патриархатизация и государственный патернализм в сфере родовспоможения привели к десакрализации повитух и породили явление *медикализации* репродуктивных практик, на фоне которого отдельные родильные ритуалы превратились лишь в популярные элементы повседневной культуры. Архаичный тип ментальности, где главные ценности – ценности жизни, родства, родительства и наличия детей, сменился логоцентризмом. Под влиянием индивидуалистических ценностей личной безопасности, свободы и эротической любви, возникла рационально-механистическая картина развития плода, алгоритма его рождения, многочисленных обязанностей родителей на всех стадиях, от зачатия до автономного (в физическом отношении) существования ребенка.

Процессы индустриализации и урбанизации, сопутствующие Новому времени, создали условия, для демографического перехода и радикального изменения культурных норм, когда от традиционно многодетного репродуктивного сценария европейский мир за короткий срок перешел к малодетности. В период Нового времени массовая малодетность еще не наблюдалась, однако репрессивное отношение к фертильности проявлялось, во-первых, в наличии абортивных и контрацептивных практик, а во-вторых, в относительной, социально обусловленной ценности способности продолжения рода (ценной в определенном возрасте, при определенном брачном, социальном, экономическом статусе индивида, до достижения определенного количества детей); в-третьих, репродуктивная культура приняла репрессивный характер не только в антинательной подсистеме, но и в пронатальной, за счет *медикализации* и *невротизации* репродуктивных процессов.

Таким образом, под влиянием разноплановых макрофакторов, таких как религия, государство, развитие науки, гендерное неравенство и смена ментальной парадигмы с синкретичной правополушарной на левополушарную, наметились *тенденции рационализации и десакрализации, медиализации и невротизации, сопровождающиеся дифференциацией сексуального и репродуктивного поведения, нарастанием репрессивного отношения к спо-*

способности продолжения рода. Обозначенные тенденции обеспечили историческую динамику содержания репродуктивной культуры, ее ценностно-нормативного, практико-поведенческого и когнитивного слоев и определили *современный тип репродуктивной культуры*, сформировавшийся в условиях постиндустриальной культуры с присущим ей производством на основе информационных технологий, переходом от книжной на экранную культуру, культom индивидуализма и материальных ценностей и т. д.

Для современной репродуктивной культуры характерно доминирование ценностей свободы, безопасности и девальвация ценностей родства, родительства и долга. Возрастающее репрессивное отношение к способности продолжения рода дало новые импульсы развития антинаatalной подсистемы репродуктивной культуры в виде активного и легитимного продвижения абортивных и контрацептивных практик в структурах повседневности. Пронаatalная подсистема тоже развивается: ритуально-обрядовая часть повседневности, связанная с рождением детей, сворачивается, но когнитивная составляющая и материально-предметное окружение, сопутствующие репродуктивным процессам, количественно растут и качественно преобразуются. На этом фоне расширившиеся возможности репродуктивного самоопределения личности предопределили главные особенности в повседневных репродуктивных практиках XX века – снижение рождаемости и доминирование малодетного образа жизни как культурного эталона, продиктованного качественными изменениями репродуктивных потребностей человека и сменой духовных приоритетов.

Основываясь на результатах системного анализа рассматриваемой культуры, проведенного в первой и второй главах, и обобщая представленные выше определения, *под репродуктивной культурой диссертант понимает динамическую ценностно-нормативную систему, предназначенную для регуляции исторически трансформирующихся репродуктивных потребностей человека и общества за счет амбивалентной направленности сдерживания и реализации способности продолжения рода.* Амбивалентная сущность данной культуры позволяет утверждать, что источник и в то же время пути решения современных противоречий, связанных с рождаемостью, содержатся в культуре, в частности, достижение демографической устойчивости России предполагает достижение баланса репродуктивных потребностей личности и общества за счет трансформации репродуктивной культуры.

Изменение природы человека, его потребности – это глобальный процесс, который видоизменяет культуру. В эпоху демографического перехода часть прокреационных потребностей рудиментирует (например, исчезает экономическая потребность в детях как дешевой рабочей силе), часть находит эквивалентную или даже более привлекательную альтернативу в других сферах жизненного мира человека (профессиональной, рекреативной). Трансформация потребностей преобразует ментальную подсистему репродуктивной культуры, ее традиции и ценности, что в дальнейшем ведет к трансформации повседневных репродуктивных практик. В этом проявляется творчест-

во человека, его преобразующая роль по отношению к культуре. Даже влияние внекультурных, природных факторов удается сгладить за счет новых технологий, а главной детерминантой, движущей силой культуры становится сам человек, понимаемый в данном контексте как родовое существо.

По мере сжатия исторического времени и ускорения процессов социокультурной динамики обнаруживаются новые тенденции развития репродуктивной культуры, представленные в следующем параграфе.

2.3. «Постмодернистские тенденции в развитии репродуктивной культуры». В данном параграфе выделен ряд тенденций, которые условно можно разделить на «старые», наметившиеся в предшествующие исторические эпохи, и «новые», обусловленные состоянием европейской цивилизации в эпоху постмодерна, абсолютизирующей ценность самобытия человека. Среди «старых» тенденций, отчетливо проявившихся в XX веке, диссертант уделил особое внимание нарастанию тенденции репрессивности репродуктивной культуры. Репрессивные ограничения проявляются во всех ее структурных подсистемах, например, в ментальной подсистеме – в малодетных установках и восприятии способности продолжения рода как угрозы персональному благополучию личности; в антинатальной подсистеме – в абортивных и контрацептивных практиках; в пронатальной подсистеме – в отсрочке рождения первенца, в подавлении естественных механизмов репродукции (стимулирование родов, хирургическое родоразрешение, отказ от лактации).

Понятно, что репродуктивная культура в принципе не может быть антирепрессивной, поскольку потенциальные функциональные возможности человеческой природы превышают эффективные с точки зрения культуры нормы детности, когда количество не противоречит качеству. Но подавление способности продолжения рода требует разумных границ, допуская только обратимую инфертильность, которая не наносит ущерба душе и телу человека.

Если антинатальная подсистема, предназначенная для предупреждения рождения детей, репрессивна по своей сути, то пронатальная подсистема, казалось бы, должна исключать проявления репрессии. Однако, существует точка зрения (Ф. Лебуаер), что современные практики родовспоможения представляют собой сплошной поток санкционированного и «научно обоснованного» насилия по отношению к рождающемуся ребенку. В российской культурной реальности к этому примешивается и репрессивный стиль взаимодействия медицинских учреждений с беременными и роженицами.

В целом, если выделять национальные особенности, то на фоне общеевропейской репрессивности репродуктивной культуры, российская специфика состоит в использовании архаичных инструментов для сдерживания способности продолжения рода, т. е. абортов. Масштабность абортивных практик (1292,4 тыс.⁴), демонстрирует, что нормативная составляющая репродуктивной культуры в ее советском и постсоветском вариантах не стимулирует превентивного репродуктивного самоопределения, а предполагает

⁴ Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 172.

посткоитальные решения относительно возможного зачатия. Такая ситуация свидетельствует, что за выбором тех или иных репродуктивных стратегий стоят вполне определенные культурные подтексты, базирующиеся на национальных традициях и исторической динамике смыслогенеза рассматриваемой культуры.

Возрастание репрессивного отношения к способности продолжения рода опосредованно связано и с *тенденцией медиализации* репродуктивной культуры, которая в XX веке проявилась в том, что расширились представления о возможных патологиях репродуктивных процессов, и для снижения рисков их возникновения медицина стремится подчинить естественные физиологические процессы искусственным манипуляциям, порождаям новые риски. Диссертант полагает, что, если общество будет надеяться только на медицинские технологии, обеспечивающие безопасное материнство, но не будет развивать технологии трансляции репродуктивной культуры, будущее российского этноса находится под угрозой дальнейшей депопуляции и дегуманизации, когда технический прогресс практически заменит естественность продолжения рода.

Одна из причин подобного вектора развития современной цивилизации связана с противоречивой двойственностью репродуктивной культуры. Стремление сдерживать фертильность и стремление рожать детей – это две чаши весов, и чем больше усердствовать в первом направлении, тем больше появляется проблем в реализации второго. Диссертант отмечает, что осознание всей пагубности репрессивного отношения к способности продолжения рода и неэффективности медиализации репродуктивных процессов будет способствовать позитивным трансформациям в содержании репродуктивной культуры и принесет положительные плоды не только в долгосрочной перспективе развития российского общества, но и в пространстве ограниченного бытия конкретного человека. Для этого необходимо взять курс на искоренение репрессии в пронатальной подсистеме и сглаживание ее в антинатальной. Но это только желаемые прогностические культурологические сценарии будущего, а в настоящем времени состояние рассматриваемой культуры определяется влиянием целого ряда новых, постмодернистских тенденций.

В качестве «новых» диссертантом выделены *тенденции профессионализации, коммерциализации, деинтимизации, возрастания индивидуальной субъектности, универсализации и гендерной унификации репродуктивной культуры, тенденции ее опредмечивания и целенаправленной трансляции*, проявляющиеся на общеевропейском пространстве и, в частности, в России.

Тенденция усиления профессионализации, как процесс накопления, хранения и консервации знания в определенных профессиональных сообществах, в полной мере проявился во второй половине XX века. Диссертант выделил четыре «волны» профессионализации репродуктивной культуры и определил роль культуролога, который является представителем последней (четвертой) волны и выступает экспертом в области ценностно-нормативного слоя рассматриваемой культуры и ее национальной специфики. С уси-

лиями профессионалов связан переход от стихийных механизмов трансляции к целенаправленному прокреационному образованию, опережающему репродуктивное самоопределение личности или сопутствующему ему.

Потребность в репродуктивном самоопределении – это принципиально новая потребность человека, живущего в постмодернистском обществе. Она соответствует тренду *возрастания индивидуальной субъектности*. В прокреационной сфере данная тенденция проявилась в расширении возможностей реализации сознательного подхода к вопросам репродукции, выражающегося в таких культурных явлениях как планирование семьи, сознательное родительство, сознательный отказ от рождения детей («childfree»). Свобода выбора продуцирует различные варианты повседневных репродуктивных практик как проявление стилевой манифестации в прокреационной сфере, что отражает одну из особенностей постиндустриальной эпохи – эпохи торжества культурного многообразия.

Свобода выбора оказалась питательной почвой и для другой новой тенденции – *тенденции коммерциализации*, которая обнаруживает себя в росте потребления и появлении устойчивого массового спроса на специализированные товары и услуги, связанные с прокреационной сферой. При чем часть этих услуг предполагает возможность использования способности продолжения рода в коммерческих целях в рамках суррогатного материнства и мужского донорства. Вовлечение участников в отношения, связанные с этими видами вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), приводит к трансформации социальных ролей («мать», «отец», «ребёнок»), к появлению коммерческих репродуктивных стратегий, влекущих за собой изменение культурных смыслов таких понятий как «беременность», «роды», «новорожденный». Ребёнок становится не только ожидаемым чудом, но и коммерческим продуктом, требующим соответствующих гражданско-правовых и товарно-денежных отношений.

Тенденции профессионализации, коммерциализации и медиализации индуцируют культурный феномен, обозначаемый диссертантом как *деинтимизация репродуктивных практик*, суть которого в том, что зачатие и последующее развитие ребенка до его рождения перестало быть приватным делом («тайнством») мужчины и женщины, так как они вынуждены вовлечь в свое репродуктивное поведение «третьих лиц», владеющих современными знаниями и соответствующими технологиями. Помимо перманентного присутствия медицинского персонала и других экспертов-консультантов на различных стадиях репродуктивного цикла, деинтимизация проявляется и в динамичном образе жизни беременных женщин как новой норме, альтернативной традиции их временной изоляции в кругу семьи. Что касается ВРТ, то этот комплекс научно-технических достижений символизирует максимальную степень деинтимизации репродукции человека.

Деинтимизация и другие тенденции, трансформирующие репродуктивную культуру, не знают границ и характерны для всех стран, испытавших на себе влияние демографического перехода, в том числе и для России.

В этом проявляется *тенденция универсализации*, как процесса стирания национальных различий в содержании когнитивного, практико-поведенческого и ценностно-нормативного слоев репродуктивной культуры. Особенно заметны приметы глобализации в практико-поведенческом слое, так как универсализация активно преобразует материальный мир культуры. Предметное окружение младенцев, беременных и кормящих женщин становится единым, подчиняясь всеобщим модным трендам и передовым технологиям, быстро завоевывающим потребительский рынок в разных странах.

Обнаруженные тенденции развития репродуктивной культуры определяют ее состояние в российском обществе, что отражено в *третьей главе «Современное состояние репродуктивной культуры в российской повседневности»*.

Параграф 3.1. «Повседневные практики репродуктивного поведения россиян» отражает практико-поведенческий слой репродуктивной культуры. *Повседневные практики репродуктивного поведения (или репродуктивные практики), в трактовке диссертанта, представляют собой привычные способы действия, осуществляемые в трех направлениях: сдерживание способности продолжения рода, ее игнорирование (полное бездействие), ее реализация.* В диссертации представлено несколько классификаций повседневных репродуктивных практик, выделенных по разным основаниям: стихийные и планомерные, атеистические и теологические, коммерческие и некоммерческие, патриотические и непатриотические, конструктивные и деструктивные. В частности повседневные репродуктивные практики являются конструктивными, если снижают биосоциальные риски репродуктивного поведения, способствуют самореализации и культурной идентификации личности.

Разработанные Э. Гуссерлем понятия: «жизненный мир», «жизненный проект», «интенциональность сознания», «интерсубъективность», «горизонты жизненного мира» использовались диссертантом в качестве концептуальных средств познания повседневных практик репродуктивного поведения. Опираясь на анализ научной литературы и результаты собственных эмпирических исследований, рассмотренных под углом зрения *феноменологического подхода*, диссертант пришел к выводу, что в России на рубеже XX–XXI веков обозначилось несколько устойчивых тенденций в социокультурной презентации повседневных практик репродуктивного поведения: 1) контроль способности продолжения рода с помощью контрацепции и искусственных абортов; 2) доминирование потребности в 1–2 детях; 3) высокий уровень внебрачной рождаемости, в том числе несовершеннолетней; 4) отсрочка рождения первого ребенка, в некоторых случаях подкрепляемая идеологией «childfree»; 5) низкая продолжительность лактации; 6) увеличение количества детей, рожденных с применением вспомогательных репродуктивных технологий; 7) расширение возможностей выбора условий и места родоразрешения.

В рамках обозначенных тенденций россияне в своем конструировании жизненного мира отличаются от представителей развитых стран Европы иной интерсубъективностью повседневных репродуктивных практик, а именно:

иной структурой потребляемых методов контрацепции. высокими показателями искусственных абортов, нелегитимным характером плановых домашних родов, более «молодым» возрастом рождения первенца. Для современной российской ментальности характерны: стихийность, недостаточная информированность, низкая степень ответственности относительно последствий сексуального и репродуктивного поведения, которые делают невозможным превентивное репродуктивное самоопределение и заблаговременную подготовку к рождению ребенка. Стремление контролировать способность продолжения рода сочетается с отсутствием на индивидуальном и общественном уровнях рефлексии репродуктивной культуры, в частности ее ценностно-нормативного и когнитивного слоев, что создает благоприятные условия для массового распространения деструктивных репродуктивных практик.

Руководствуясь классификацией, представленной выше, преобладающие повседневные репродуктивные практики россиян могут быть охарактеризованы как атенстические, стихийные, малодетные, преимущественно некоммерческие, непатриотические, ущербные с точки зрения здоровьесбережения и провоцирующие биосоциальные риски репродуктивного поведения. В целом, в обыденном сознании сохраняется восприятие вопросов, связанных с репродукцией, как медицинской проблемы, тогда как культурные аспекты продолжения рода рассматриваются как вторичные, ответственность за успешность репродуктивных процессов перекладывается на специалистов, а не на собственный духовный и психофизический потенциал личности и семьи. Биологизаторский подход сочетается с неопределенностью социокультурных норм – аномией этой сферы жизненного мира человека. В прокрационной сфере существуют противоречия между:

1) интересами государства и интересами личности в отношении желаемого числа детей в семье; 2) потребностями, связанными с наличием детей, и нарастающей тенденцией индивидуализма; 3) религиозной этикой и этикой, формирующейся в массовом сознании в отношении репродуктивного поведения; 4) медицинскими рекомендациями, относительно необходимых условий подготовки и протекания беременности и реалиями российской повседневности; 5) научными представлениями о начале человеческой жизни (зачатие) и ее правовым определением (рождение); 6) внутрисемейными и внесемейными ценностями; 7) растущими показателями внебрачной рождаемости и необходимостью полноценного воспитания детей в полной семье. Устранение обозначенных противоречий неизбежно приведет к трансформации существующих повседневных практик репродуктивного поведения. В этом процессе важную роль играет научная рефлексия репродуктивной культуры и, в частности, способность диагностировать ее состояние.

В параграфе 3.2. «Квалиметрический анализ репродуктивной культуры» оценка состояния рассматриваемой культуры производилась с помощью *квалиметрического анализа*, предполагающего количественное и качественное оценивание объектов различной природы.

Изучение состояния репродуктивной культуры требует выбора определенных критериев, параметров и показателей. Для определения уровня репродуктивной культуры в макроизмерении диссертант предлагает использовать *диагностический комплекс, включающий три критерия: «статистический», «ценностно-нормативный» и «потребительский»*. Статистический критерий заключается в количественной оценке внешних характеристик репродуктивного поведения человека, которые выражаются в ряде статистических показателей, демонстрирующих уровень рождаемости и состояние здоровья матери и ребенка. Ценностно-нормативный критерий отражает состояние этических, правовых и этнографических норм в конкретном обществе. Потребительский критерий иллюстрирует степень доступности и потребительский спрос на определенные группы товаров и услуг, связанные с пронатальной или антинатальной подсистемами репродуктивной культуры.

Опираясь, с одной стороны, на обозначенный комплекс критериев, а с другой – на количественные и качественные характеристики повседневных репродуктивных практик россиян, представленных в предыдущем параграфе, диссертант пришел к выводу, что для современного российского общества характерен низкий уровень репродуктивной культуры, но улучшение некоторых статистических показателей последних лет, отражающих состояние прокреационной сферы, позволяет предположить возможность развития положительной динамики в дальнейшем. В целом, национальная специфика репродуктивной культуры, сформировавшейся в условиях советского и постсоветского общества, прослеживается во всех структурных подсистемах: в ментальной – наличие асоциального имиджа многодетности, предельно либеральное законодательство, регулирующее производство аборт и применение ВРТ; в пронатальной – нелегальность практик домашнего родоразрешения, низкая востребованность дополнительных образовательных услуг в период ожидания ребенка для повышения родительской компетентности; медленное развитие субкультуры, связанной с использованием ВРТ; в антинатальной – настороженное отношение к современным методам контрацепции, высокая распространенность девиантных способов регулирования продолжения рода, подкрепляемая «абортной культурой».

В отношении индивида оценка состояния репродуктивной культуры и шкалирование ее уровней предполагает иные критерии: *аксиологический, личностный, когнитивно-праксеологический*, опираясь на которые диссертант выделил 6 уровней репродуктивной культуры индивида: высокий (идеальный), низкий (девиантный) и четыре переходных уровня между ними. Отличия переходных уровней (продвинутый, базовый, удовлетворительный, критический) заключаются в степени дефицита необходимых ценностных ориентаций, личностных качеств, знаний и умений в рамках ментальной, пронатальной и антинатальной подсистем репродуктивной культуры. Для продвинутого переходного уровня этот дефицит минимален, для критического переходного уровня – достигает значительных проявлений. *Под уровнем репродуктивной культуры конкретного человека понимается комплексная характеристика репродуктивного самоопределения личности, от кото-*

рой зависит успешность ее самореализации в прокреационной сфере. Данная комплексная характеристика включает: ценностные ориентации, личностные качества, представления о возможностях регулирования способности продолжения рода, наличие репродуктивных планов.

Таким образом, с позиций квалитетического анализа, *репродуктивная культура может быть определена как мера, конституирующая репродуктивное самоопределение личности и национально-культурную идентичность народа в его повседневных репродуктивных практиках.*

Анализируя состояние репродуктивной культуры на микро- и макроуровнях, необходимо учитывать существующую гендерную асимметрию, которая рассмотрена в параграфе:

3.3. «Гендерная асимметрия репродуктивной культуры».

Исследуя эволюцию рассматриваемой культуры, диссертант пришел к выводу, что на протяжении XX века женщины постепенно теряли свои позиции определяющего влияния на репродуктивные процессы, на единоличное владение репродуктивной культурой. Вместе с общим трендом эгалитаризации полов происходила унификация норм, заложенных в ментальную подсистему репродуктивной культуры, увеличивался доступ мужчин к когнитивному слою, преобразовывались поведенческие практики, связанные с участием мужчин в рождении детей. Наглядный пример – феномен партнерских родов, получивший развитие в российском обществе с начала 90-х годов XX века. Данный феномен диссертант расценивает как обновленный вариант архаичных практик, современную проекцию *кувады*, вписанную в новый культурный контекст тотальной медикализации и деинтимизации репродуктивного поведения. На фоне распространения явления незарегистрированных сожителств и рождения в них внебрачных детей появляется потребность в символическом подтверждении взаимной ответственности и доверия, в том числе путем вовлечения мужчин в ранее недоступные им поведенческие практики, требующие освоения репродуктивной культуры.

Гендерная асимметрия репродуктивных норм строится именно вокруг проблемы ответственности. Мужская ответственность традиционно заключалась в создании гарантий защищенности женщины и ребенка (от «злых духов», от бедности, от непрофессионализма персонала и т. д.), женская ответственность – в выборе образа жизни, адекватного выполнению материнских обязанностей, т. е. выборе определенного типа питания, степени физических нагрузок, социальной активности и т. д. Переход ответственности за результаты репродуктивного поведения исключительно из женского сектора в мужской, и наоборот – создание женщинами гарантий собственной защищенности без участия мужчин, представляют собой частные проявления современной эгалитаризации полов, сглаживающей гендерные различия и унифицирующей нормы поведения во многих областях жизненного мира человека, в том числе в прокреационной сфере.

Российская специфика, заключается в том, что в нашем обществе не происходит унификации социальных рисков репродуктивного поведения,

которые для женщин по-прежнему выливаются в одинокое материнство, зависимость от внешних источников помощи на протяжении ожидания ребенка и первых лет его жизни, дискриминацию на рынке труда при наличии детей. Для российских мужчин социальные риски репродуктивного поведения, связанные с экономическими последствиями рождения ребенка, не являются доминантными, так как законодательно установленная в РФ алиментная ответственность родителей не имеет ощутимой силы. В целом, сглаживание гендерной асимметрии наиболее заметно в ценностно-нормативном слое, а наибольшая дифференциация сохраняется в практико-поведенческом слое рассматриваемой культуры.

На основании гендерного подхода, *репродуктивная культура может быть определена как качественная характеристика жизнедеятельности мужчин и женщин, основанная на общечеловеческой ценности деторождения как одного из показателей полноценной жизни человека.*

Степень освоения репродуктивной культуры тесно связана с ее трансляцией, проанализированной в четвертой главе «Трансляция репродуктивной культуры в современной России».

В параграфе 4.1. «Культурная преемственность в прокреационной сфере жизнедеятельности личности и общества» представлена классификация механизмов трансляции репродуктивной культуры, рассмотрены роли таких социальных институтов как семья, социальные и медицинские службы, конфессиональные и общественные организации, СМИ. Диссертант классифицирует механизмы трансляции рассматриваемой культуры по нескольким основаниям, например: по мере значимости той роли, которую они играют: *основные и дополнительные;* по степени управляемости: *стихийные и управляемые;* по мере участия: *реально действующие и потенциальные* и т. д. Определяя роль механизмов трансляции, призванных обеспечивать культурную преемственность в прокреационной сфере, диссертант пришел к следующим выводам:

1. Семья по степени влияния на личность занимает лидирующие позиции, оставаясь основным механизмом трансляции репродуктивной культуры. Роль семьи значима, прежде всего, в отношении ценностно-нормативного слоя данной культуры, тогда как в отношении когнитивного и практико-поведенческого слоев семья не может оказывать определяющего влияния в силу ограниченности ее опыта и динамичности социокультурных условий. Семья прямо или косвенно способствует усвоению традиций, связанных с продолжением рода. Часть из них может противоречить этическим и медико-биологическим нормам, поэтому «семейный багаж» требует критического осмысления в процессе репродуктивного самоопределения личности

2. Конфессиональные и общественные организации, медико-социальные учреждения в рамках своей деятельности, получившей развитие в постсоветский период, отчасти компенсируют дефицит воспитательного воздействия семьи, но влияние конфессий ограничено верующей частью молодежи. Общественные организации, ориентированные на проблематику репродук-

тивного поведения, незначительно представлены в России, а медицинские и социальные службы, как правило, имеют дело уже со следствиями низкого уровня репродуктивной культуры, помогая индивиду «исправлять ошибки».

3. СМИ в эпоху постмодерна являются активно действующим средством формирования моделей поведения и трансляции социокультурных регулятивов, касающихся, в том числе, и прокреационной сферы. Наличие в современных российских условиях широкого выбора тематической книжной и журнальной печатной продукции, а также Интернет-ресурсов, отражающих проблематику, связанную с миром материнства, отцовства, детства, позволяет рассматривать СМИ как важный институт социализации и инкультурации, обладающий значительным информационным потенциалом.

Все проанализированные механизмы трансляции в российских условиях не обеспечивают культурной преемственности традиционных, обладающих национально-этнической самобытностью, и инновационных компонентов репродуктивной культуры, поэтому реальный человек к моменту наступления совершеннолетия и вступления в репродуктивные права, обладает репродуктивной культурой фрагментарно. По мере накопления жизненного опыта, проходя через ошибки и разочарования, уровень представлений и приоритет ценностей индивида меняются. Учитывая объективную временную и функциональную ограниченность способности продолжения рода, в репродуктивном самоопределении, как, например, профессиональном самоопределении, молодежи нужна помощь.

Диссертант полагает, что в современных условиях инкультурация в прокреационной сфере уже не может осуществляться стихийно. Использование репродуктивной культуры в качестве ресурса позитивных личностных и общественных преобразований предполагает, что в трансляции данной культуры, наряду с традиционными (семья, конфессии) и современными (СМИ) механизмами, должна участвовать и система образования.

В параграфе 4.2. «Культурные практики подготовки будущих родителей» изучается отечественный опыт культурно-просветительских программ для будущих родителей как одной из форм дополнительного образования взрослых, поднимается проблема профессиональной компетентности ведущих таких программ.

В диссертации отмечается, что в российском обществе за последние 15 лет получили развитие культурно-просветительские программы для будущих родителей, транслирующие репродуктивную культуру, а именно ее пронатальную составляющую – перинатальную культуру. Данные программы рассматриваются диссертантом как особые культурные практики, вышедшие на рубеже XX–XXI веков за пределы медицинских учреждений и осуществляемые на базе государственных социальных учреждений, дворовых клубов, домов культуры, музеев, а также негосударственных образовательных учреждений.

Ввиду тесной связи между целенаправленной трансляцией репродуктивной культуры и проблемой подготовки кадров, диссертант представил

свое видение профессиональной компетенции ведущих программ дополнительного образования будущих родителей. Для преодоления тенденции медикализации репродуктивных процессов и наполнения их духовным содержанием вести такие программы должны специалисты гуманитарного профиля (перинатальные психологи, социальные педагоги, культурологи), обладающими профессиональной компетентности которых является не только профильная подготовка, но и личное подвижничество, и собственный позитивный родительский опыт. Культурологи в таких программах играют особую роль: они призваны пропагандировать традиции народной культуры; знакомить с родильной обрядностью прошлого, песенным фольклором, создавать условия для самореализации слушателей в процессе этнохудожественного творчества (изготовление кукол-оберегов, крестильной рубашки, игрушек и др.), быть связующим звеном между учреждением образования и учреждениями культуры.

Культурные практики подготовки будущих родителей охватывают пока незначительную часть населения и потому не могут преодолеть стихийного, дискретного, фрагментарного влияния современных механизмов трансляции репродуктивной культуры. В этих условиях требуется наличие некой стержневой основы, объединяющей их усилия. Таким стержнем, с точки зрения диссертанта, может служить *прокреационное образование*. Перспективы этой культурной инновации рассмотрены в следующем параграфе:

4.3. «Модель прокреационного образования студенческой молодежи». Прокреационное образование понимается диссертантом как целенаправленный процесс, предназначенный для создания условий превентивного репродуктивного самоопределения личности. Цель прокреационного образования – формирование репродуктивной культуры на микро- (личность) и макроуровнях (общество). Основной объект и субъект данного направления культурно-просветительской деятельности – молодежь, т. е. граждане в возрасте от 14 до 30 лет.

Диссертант развивает идею о том, что прокреационное образование прекрасно вписывается в современный тренд модернизации российского образования, подразумевающий создание условий для самореализации каждого человека⁵, а также предполагающий оперативное реагирование на социальные заказы личности и общества, в том числе, такие сверхактуальные, как укрепление института семьи и брака, преодоление демографического кризиса в России, тесно связанного с общим кризисом культуры. Кроме того, предлагаемое направление образования обладает инновационным культурным содержанием и не дублирует полового воспитания и сексуального образования, сравнительный анализ которых осуществлен в тексте диссертации.

Диссертант вскрывает ряд обстоятельств, препятствующих становлению прокреационного образования как инструмента социализации и инкультурации молодежи. Часть из них связана с глобальным процессом ано-

⁵ № 273-ФЗ: «Об образовании в РФ» от 29.12.2012. Ст. 3.

мии репродуктивного поведения, другие препятствия кроются в особенностях российской ментальности и государственного управления, третья категория сдерживающих факторов непосредственно связана с состоянием науки и практики в области культуры и образования.

Диссертант утверждает, что учреждения профессионального образования обладают наибольшим социокультурным потенциалом для реализации задач прокреационного образования, так как: а) учащиеся имеют полный «пакет» репродуктивных прав и владеют общекультурной базой, позволяющей формировать необходимые знания и умения, определяющие содержание когнитивного и ценностно-нормативного слоев репродуктивной культуры; б) процесс профессионального обучения занимает достаточно длительный период, которому сопутствует не только профессиональное самоопределение, но и репродуктивное самоопределение, а также поиск брачного партнера, поэтому обсуждение и изучение проблематики, связанной с репродуктивной культурой, встречает заинтересованность студенческой молодежи.

Предлагаемая *модель прокреационного образования* включает три блока: концептуально-содержательный, организационно-деятельностный, мониторинговый блоки, которые отражают принципы, функции, направления учебной и внеучебной работы, контрольно-оценочные критерии, необходимые для формирования репродуктивной культуры, что в определенной мере восполняет пробел в научно-методическом обеспечении прокреационного образования. В частности, разработанный и апробированный диссертантом учебно-методический комплекс элективного курса «Репродуктивная культура молодежи» может быть реализован в высших учебных заведениях независимо от профиля профессиональной подготовки.

Для того, чтобы прокреационное образование как целостная система полисубъектной культурно-просветительской деятельности получила развитие в российском обществе, необходимо:

1) на теоретическом уровне интегрировать накопленные в социально-гуманитарных науках представления о социокультурных регулятивах репродуктивного поведения и создать в рамках культурологического знания целостную концепцию репродуктивной культуры как подсистемы культуры повседневности, определяющей безопасность личности и общества;

2) на государственном уровне признать важным элементом демографической политики целенаправленной и управляемой трансляции репродуктивной культуры в рамках специализированного направления образования, объединяющего влияние многих социальных институтов, участвующих в формировании ценностей, потребностей, норм, традиций, обуславливающих повседневные репродуктивные практики российских граждан;

3) на уровне системы образования преодолеть существующие нормативные, идеологические, кадровые проблемы, сдерживающие развитие прокреационного образования, и разработать инструментарий для формирования репродуктивной культуры учащихся (студентов, слушателей и т. д.) с учетом их половозрастных характеристик.

Проведенное исследование в значительной мере способствует реализации первого условия, что касается второго, то в документах⁶, определяющих стратегическое развитие России на ближайшее десятилетие, намечено усиление внимания к формированию социокультурных регулятивов репродуктивного поведения (ценности, нормы, традиции), важно, чтобы провозглашенные пронаталистские цели послужили весомым руководством к действию. Третье условие тесно связано с двумя предыдущими, поскольку для преобразования трансляционных механизмов той или иной культуры необходимо как научное обеспечение этого процесса, так и поддержка государства, заинтересованного в позитивных результатах социализации и инкультурации подрастающего поколения.

В целом, диссертант не склонен рассматривать прокреационное образование как панацею от депопуляции. Главное назначение данной культурно-просветительской деятельности заключается не в том, чтобы реализовать прямой государственный заказ – повышение рождаемости или ее понижение, а в том, чтобы соотнести количественные показатели репродукции человека с ее качественными характеристиками, сопряженными с витальными и духовными ценностями, а уже от государства в определенной мере зависит привлекательность многодетного или малодетного образа жизни.

Таким образом, трансляцию репродуктивной культуры в рамках целенаправленного прокреационного образования следует рассматривать, во-первых, как закономерную ступень в развитии рассматриваемой культуры, когда репродуктивные потребности личности становятся ее ведущей детерминантой; во-вторых, как важный компонент комплексных усилий по стабилизации демографической ситуации и сохранению российского этноса, и, в-третьих, как инновационную сферу приложения культурологической теории и практики.

В заключении подводятся итоги, формулируются основные выводы и дальнейшие перспективы исследования. Отмечается, что проведенное исследование позволило осмыслить накопленные представления о социокультурных регулятивах репродукции человека и создать в рамках культурологического знания целостную концепцию репродуктивной культуры как подсистемы культуры повседневности.

Пути разработки этой проблемной области культурологического знания могут идти в нескольких направлениях. В теоретическом отношении требуется уточнить содержательное наполнение структурных компонентов репродуктивной культуры, углубить представления о ее функциях, провести анализ взаимосвязей универсального и локального в данной культуре, определить влияние репродуктивной культуры на различные сферы жизни общества. В историческом плане необходимо исследование каждого из обозна-

⁶ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

ченных исторических типов репродуктивной культуры на материале конкретных стран и народов, проведение их компаративного анализа; возможно обоснование иных принципов исторической типологизации рассматриваемой культуры, исследование влияния религии, мифологии, искусства на репродуктивную культуру в различные исторические эпохи. В качестве прикладных исследовательских задач стоит назвать разработку проектов для решения насущных социальных проблем российского общества, проведение социогуманитарной экспертизы принимаемых управленческих решений и научных инноваций в прокреационной сфере, обоснования новых и корректировки уже сложившихся направлений демографической, семейной, молодежной, образовательной и культурной политики, используя теоретические знания о репродуктивной культуре и переводя их в инструментальный пласт.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Беляева, М. А. Культура репродуктивного поведения в контексте междисциплинарного синтеза: монография [Текст] / М. А. Беляева. – Екатеринбург: УрГПУ, 2009. – 176 с.
2. Репродуктивное поведение в зеркале социально-гуманитарного знания: коллективная монография [Текст] / под ред. М. А. Беляевой. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 267 с.
3. Беляева, М. А. Культура репродуктивного поведения в российской повседневности: монография [Текст] / М. А. Беляева. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2011. – 256 с.
4. Беляева, М. А. Гендерная асимметрия репродуктивной культуры [Текст] / М. А. Беляева // Гендерные исследования в гуманитарных науках: коллективная монография / под ред. А. Г. Бердниковой. – Новосибирск: СибАК, 2012. – 154 с. – С. 8–36.
Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, включенных в реестр ВАК МО и Н РФ:
5. Беляева, М. А. Место репродуктивной культуры в мире повседневной культуры [Текст] / М. А. Беляева // Вопросы культурологии. – 2012. – № 6. – С. 43–47
6. Беляева, М. А. Тенденции развития культуры репродуктивного поведения в современном обществе [Текст] / М. А. Беляева // Дискуссия. – 2012. – № 3. – С. 12–15.
7. Беляева, М. А. Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи [Текст] / М. А. Беляева // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 207–212.
8. Беляева, М. А. Исторические типы культуры репродуктивного поведения человека [Текст] / М. А. Беляева // Этносоциум и межнациональная культура. – 2012. – № 2 (44). – С. 138–143.
9. Беляева, М. А. Культурологический анализ репродуктивного поведения [Текст] / М. А. Беляева, Л. А. Беляева // Вопросы культурологии. – 2011. – № 8. – С. 13–17.
10. Беляева, М. А. Архаичные корни культуры репродуктивного поведения [Текст] / М. А. Беляева // European Social Science Journal. – 2011. – № 8. – С. 262–269.
11. Беляева, М. А. Проблема соотношения сексуальной и репродуктивной культуры [Текст] / М. А. Беляева // Философские науки. – 2011. – № 7. – С. 43–49.
12. Беляева, М. А. Культурные практики подготовки будущих родителей [Текст] / М. А. Беляева // Образование и наука. – 2011. – № 5 (84) – С. 112–122.
13. Беляева, М. А. Роль СМИ в трансляции культуры репродуктивного поведения [Текст] / М. А. Беляева // Обсерватория культуры. – 2011. – № 4. – С. 119–123.

14. Беляева, М. А. Состояние культуры репродуктивного поведения в российском обществе [Текст] / М. А. Беляева // Вестник Челябинской гос. акад. культуры и искусств. – 2011. – № 3 (27). – С. 41–45.

15. Беляева, М. А. Воспитание репродуктивной культуры молодежи: культурологический аспект [Текст] / М. А. Беляева // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 1. – С. 77–85.

16. Беляева, М. А. Содержательная модель репродуктивной культуры [Текст] / М. А. Беляева // Мир науки. Культуры. Образования. – 2010. – № 5(24). – С. 104–109.

17. Беляева, М. А. Кто поможет молодежи в построении личной репродуктивной стратегии? [Текст] / М. А. Беляева // Мир образования – образование в мире. – 2009. – № 1. – С. 236–244.

18. Беляева, М. А. Основные задачи и направления воспитательной работы в вузе по формированию репродуктивной культуры молодежи [Текст] / М. А. Беляева // Педагогическое образование и наука. – 2008. – № 6. – С. 83–88.

Учебно-методические издания:

19. Беляева, М. А. Репродуктивная культура молодежи: учебная программа [Текст] / М. А. Беляева. – Екатеринбург, 2009. – 44 с.

20. Беляева, М. А. Репродуктивная культура молодежи: Информационно-справочные материалы [Текст] / М. А. Беляева. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 88 с.

21. Беляева, М. А. Репродуктивное поведение человека: учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений [Текст] / М. А. Беляева. Изд. 2-е. – М: ЛЕНАНД, 2012. – 264 с.

Статьи в научных изданиях:

22. Беляева, М. А. Проблема планирования семьи в XXI веке [Текст] / М. А. Беляева // Семья: XXI век. Проблемы формирования региональной семейной политики: Аналитический вестник. – М.: Информационно-аналитическое управление аппарата Совета Федерации, 2000. – № 17 – С. 41–45.

23. Беляева, М. А. Проблема аномии репродуктивного поведения семьи в современной России [Текст] / М. А. Беляева // Семья и будущее России: сборник материалов международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2004. – С. 8–12.

24. Беляева, М. А. Реализация принципов здорового образа жизни в сфере репродуктивного поведения человека [Текст] / М. А. Беляева // Здравостроение, теория здоровья и здорового образа жизни: сб. науч. тр. / под ред. В. С. Быкова. Челябинск: ЮУрГУ, 2005. – С. 37–38.

25. Беляева, М. А. Самореализация молодежи в контексте ее репродуктивного поведения [Текст] / М. А. Беляева // Актуальные проблемы обновления общего и профессионального образования: сб. науч. тр. – Челябинск: Образование, 2005. – С. 108–112.

26. Беляева, М. А. Профессиональная компетентность специалиста, осуществляющего программу подготовки беременных женщин (супружеских пар) к рождению и воспитанию ребенка [Текст] / М. А. Беляева // Саморазвитие человека: ключевые компетентности: сб. науч. тр.: в 2 ч. – Ч. 2. – Н. Новгород: ВГИПА, 2005. – С. 183–203.

27. Беляева, М. А. Аксиологическая компетентность социальных педагогов, участвующих в программах подготовки беременных женщин к рождению и воспитанию ребенка [Текст] / М. А. Беляева // Инновационные технологии в подготовке специалистов социальной сферы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – С. 24–28.

28. Беляева, М. А. «Школы матери» как пример образовательных программ для взрослых [Текст] / М. А. Беляева // Современное открытое образовательное пространство:

проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2007. – С. 139–141.

29. Беляева, М. А. Репродуктивная культура как социальный феномен [Текст] / М. А. Беляева // Татишевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: сборник трудов. Ч. 1. «Гуманитарные науки и образование». – Тольятти: Волжский гос. ун-т, 2007. – С. 21–31.

30. Беляева, М. А. Бесплодие – характерная черта российской повседневности [Текст] / М. А. Беляева // Человек в российской повседневности: история и современность: материалы междунар. науч. конф. – Пенза, 2009. – С. 42–45.

31. Беляева, М. А. Мужчина в современной семье: балласт или баланс отношений [Текст] / М. А. Беляева // Мужское и мужественное в современной культуре / Альманах «Парадигма». – СПб.: СПбГУ, 2009. – С. 69–72.

32. Беляева, М. А. Здоровый образ жизни как средство профилактики бесплодия [Текст] / М. А. Беляева // Особенности формирования здорового образа жизни: факторы и условия: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2009. – С. 8–13.

33. Беляева, М. А. Гендерные аспекты репродуктивной культуры / М. А. Беляева // Грани познания. – 2010. – № 2 (7). – URL: http://grani.vspu.ru/?page=2&id_avt=186

34. Беляева, М. А. Сознательное родительство как позитивная трансформация в репродуктивном поведении современной семьи [Текст] / М. А. Беляева // Научный вестник Черновицкого университета. Вып. 498–499. – Черновцы: Книги – XXI, 2010. – С. 3–7.

35. Беляева, М. А. Идеология образования в сфере репродуктивного поведения человека: история и современность [Текст] / М. А. Беляева // Идеологические аспекты методологического обеспечения научных исследований: сб. материалов Всерос. методологического семинара. – М., 2010. – С. 260–266.

36. Беляева, М. А. Репродуктивная культура как ресурс повышения безопасности общества и индивида [Текст] / М. А. Беляева // Социальная безопасность и защита человека: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. – С. 409–412.

37. Беляева, М. А. Планирование семьи: вчера, сегодня, завтра [Текст] / М. А. Беляева // Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы: сб. регион. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Екатеринбург, 2010. – Ч. 2. – С. 11–14.

38. Беляева, М. А. Девiantное родительство в биологическом и социальном измерениях [Текст] / М. А. Беляева // Модернизация системы образования в глобальном образовательном пространстве: материалы международной научной конференции. – Туркестан: Казахско-турецкий ун-т им. Х. Я. Ясави, 2010. – С. 466–472.

39. Беляева, М. А. Прокреационное образование как ресурс сохранения здоровья нации [Текст] / М. А. Беляева // Актуальные проблемы социальной медицины и психологии: сборник материалов. Дагестан: ДГУ, 2011. – С. 108–113.

40. Беляева, М. А. Репродуктивная культура как регулятор повседневных практик репродуктивного поведения [Текст] / М. А. Беляева // Практики повседневности: материалы всерос. науч. семинара; под ред. Н. П. Коноваловой. – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – С. 66–72.

41. Беляева, М. А. Современные ценности и нормы культуры репродуктивного поведения [Текст] / М. А. Беляева // Система ценностей современного общества: сб. материалов XIX междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2011. – С. 146–150.

42. Беляева, М. А. Прокреационное образование как механизм трансляции культуры репродуктивного поведения [Текст] / М. А. Беляева // Преемственность поколений: социально-демографические аспекты: материалы круглого стола. – Екатеринбург: Институт экономики УроРАН, 2011. – С. 135–137.

43. Беляева, М. А. Влияние Интернета на репродуктивную культуру семьи [Текст] / М. А. Беляева // Психология человека в современном мире: материалы междунар. науч.-практ. конф. – М., 2011. – С. 37–39.

44. Беляева, М. А. Социокультурные факторы генезиса культурных норм репродуктивного поведения [Текст] / М. А. Беляева // *Общественные науки*. – 2011. – № 7. – С. 114–122.
45. Беляева, М. А. Вне власти культуры: сексуальной и репродуктивной / М. А. Беляева // *Мир сексологии*. – 2011. – № 1. – URL: <http://1sexology.ru/mir-seksologii/soderzhanie-veb-zhumala-mir-seksologii-1/>
46. Беляева, М. А. Культурно-антропологический подход в исследовании повседневных репродуктивных практик [Текст] / М. А. Беляева // *Феномен повседневности в философском измерении: сб. науч. тр.* – Екатеринбург, 2011. – С. 262–266.
47. Беляева, М. А. Модель прокреационного образования студенческой молодежи [Текст] / М. А. Беляева // *Вестник социально-гуманитарного образования и науки*. – 2011. – № 4. – С. 36–47.
48. Беляева, М. А. Репрессия в современной культуре репродуктивного поведения [Текст] / М. А. Беляева // *Университетские чтения: сб. ст. / под ред. Л. П. Воронковой, В. И. Бажукова; ИПЛК МГУ.* – М.: МАКС Пресс, 2012. – Вып. 22. – С. 44–50.
49. Беляева, М. А. Консерватизм и модернизация в прокреационной сфере российского общества [Текст] / М. А. Беляева // *Историческая динамика российских нравов: консерватизм vs модернизация: сб. материалов Всерос. конф. / УрФУ.* – Екатеринбург, 2012. – С. 92–96.

102

Подписано в печать 25.03.2013 г.

Формат 60×84/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,8.

Тираж 130 экз.

Заказ № 73.

Отпечатано

в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674